

ISSN:2409-5788

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2018 — 2

Каким было литовское, польское и белорусское прошлое рода Достоевских из Достоева? Есть ли пунктуационная ошибка в записи Достоевского? За что Достоевский выбрал кузнецкого почтмейстера "формалистом"? О чем писали вдове писателя в телеграммах соболезнования? Как ленинградская стенографистка расшифровывала скоропись Анны Григорьевны Достоевской?

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2018 № 2

Главный редактор
Владимир Николаевич Захаров (Россия) —
доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии,
русской литературы и журналистики
Петрозаводского государственного университета;
Президент Международного общества Достоевского.
E-mail: vnz01@yandex.ru

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
Тел. (8142) 71-96-03

ФГБОУ ВО
«ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
2018

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Horst-Jürgen Gerigk (Deutschland) — PhD, профессор русской и зарубежной литературы университета Гейдельберга, почетный президент Международного общества Достоевского.
E-mail: horst-juergen.gerigk@slav.uni-heidelberg.de

Deborah Martinsen (USA) — PhD, доцент славянских языков и литературы Колумбийского университета; почетный президент Международного общества Достоевского.
E-mail: dm387@columbia.edu

William Mills Todd III (USA) — PhD, профессор литературы и сравнительного литературоведения Гарвардского университета.
E-mail: todd@fas.harvard.edu

Irene Zohrab (New Zealand) — PhD, почетный научный сотрудник университета Виктории (Веллингтон).
E-mail: irene.zohrab@vuw.ac.nz

Игорь Леонидович Волгин (Россия) — доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Московского государственного университета и Литературного института им. А. М. Горького; вице-президент Международного общества Достоевского. Президент фонда Достоевского.
E-mail: mail@volgin.ru

Виктор Федорович Молчанов (Россия) — доктор исторических наук, заведующий научно-исследовательским отделом рукописей Российской государственной библиотеки.
E-mail: VishnevskayaEE@rsl.ru

Борис Николаевич Тихомиров (Россия) — доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге, президент Российского общества Достоевского.
E-mail: btikhomirov@rambler.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Stefano Aloe (Italy) — PhD, доцент-исследователь по русской литературе при университете г. Верона; Vice-President, International Dostoevsky Society.
E-mail: stefano.aloe@univr.it

Carol Apollonio (USA) — PhD, профессор практики русского языка университета Дьюка, президент североамериканского общества Достоевского.
E-mail: flath@duke.edu

Katalin Kroó (Hungary) — PhD, Professor, University ELTE, Budapest; Vice-President, International Dostoevsky Society.
E-mail: krookatalin@freemail.hu

Владимир Александрович Викторovich (Россия) — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт.
E-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Эмил Димитров (Болгария) — PhD, председатель Болгарского общества Достоевского.
E-mail: edimitrov@gbg.bg, eivdim@yahoo.com

Сергей Акимович Кибальник (Россия) — ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук.
E-mail: kibalnik007@mail.ru

Павел Евгеньевич Фокин (Россия) — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного литературного музея.
E-mail: pfokin@mail.ru

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Ирина Святославовна Андрианова, кандидат филологических наук, заведующая Web-лабораторией филологического факультета Петрозаводского государственного университета.
E-mail: yarysheva@yandex.ru

Дмитрий Леонидович Башкиров

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы
Белорусского государственного
университета
(Минск, Республика Беларусь)*
bashkirov_dl@mail.ru

Сергей Леонидович Шараков

*кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Дома-музея Ф. М. Достоевского
(Старая Русса, Российская Федерация)*
ssharakov@yandex.ru

DOI: 10.15393/j10.art.2018.3541

ДОСТОЕВСКИЕ ИЗ ДОСТОЕВО: «БЕЛАРУСЬ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ» КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о значении при изучении наследия Ф. М. Достоевского истории рода Достоевских на землях Великого княжества Литовского как реального источника религиозно-философских проблем, поставленных в творчестве писателя. Само строение исторических судеб трех восточнославянских народов, складывающихся из мировоззренческих крайностей, создавало вокруг себя полемическое пространство с многовековой предысторией, которое потенциально готово развиваться по катастрофическому сценарию. И в данном аспекте образная многозначность «полифонической» картины мира произведений Ф. М. Достоевского, где вера и разум не разделяются идеологической и политической осью зла, а помещаются в поток непосредственных человеческих переживаний и состояний, может стать необходимым условием, позволяющим избежать односторонности и тенденциозности при осмыслении проблемы бытования Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, род Достоевских, Беларусь, Достоево, Великое княжество Литовское, униатство, эмиграция, Русь

Изучение рода Достоевских, ведущего начало от Даниила Ивановича Иртищевича, открывает новый историко-культурный пласт, который вносит существенные уточнения в представление о базовых религиозно-философских исканиях Ф. М. Достоевского. Они наполняются реальным историческим содержанием, которое, в свою очередь, в художественном пространстве произведений писателя отходит от односторонности и тенденциозности, наделяясь образной многозначностью.

На определенном отрезке своего существования (конец XV — середина XVII вв.) род Достоевских оказался частью сложного, очень важного историко-культурного явления, которым была судьба земель Западной и Южной Руси в составе Великого княжества Литовского. Здесь сразу необходимо оговорить некоторые терминологические моменты. «Русь» и «русский» в значении «письмо» (письменность) — понятия, активно используемые представителями восточнославянской культуры внутри многонационального конгломерата, сложившегося в условиях Великого княжества Литовского. Причем они служили не для отождествления себя с кем-то или чем-то, а для самоидентификации и различения. Это прослеживается как на уровне высокой культуры («Бивлия руска» Франциска Скорины), церковной политики (например, сетования одного из активных сторонников унии Ипатия Поцея об «обидах» «русских владык» от мирян¹), так и в бытовом повседневном обиходе, о чем, в частности, могут свидетельствовать некоторые письменные источники, относящиеся к судьбе рода Достоевских (см. об этом: [Башкиров, 2007: 161], [Башкиров, 2008: 139]). Понятия «Русь» и «русский» до определенного этапа (XV–XVI вв.) обладали своеобразной суверенностью и устойчивостью по отношению к конфессиональным и политическим потокам в Великом княжестве Литовском. Они указывали прежде всего на принадлежность к восточнославянской (древнерусской) культуре и кирилло-мефодиевскому наследию как неотъемлемой ее составляющей. «Русский» в значении «письмо» использовалось именно в рамках этой традиции, а не свидетельствовало о принадлежности к неким «дохристианским» и «докириллическим» способам передачи слов с помощью греческого или латинского алфавитов [Дарашкевич: 187].

Судьбы представителей рода Достоевских переплелись с катаклизмами, которые выпали на долю тех земель, где им досталось жить. Достоевские XVI–XVII вв. на уровне своего повседневного существования были погружены в пучину роковых вопросов, решение которых обуревало их великого потомка. Многие из того, что волновало Ф. М. Достоевского: свобода выбора человека, католичество и Православие, взаимоотношения народа как носителя духовного строя бытия и «высшего сословия», искушаемого «духом самоуничтожения и небытия» — в конкретно-историческом виде отразилось в жизненных коллизиях его предков. Однако вопрос о связи предков Достоевского и их потомка амбивалентен.

Если судьба рода может стать реальным комментарием для прояснения вопросов, связанных с религиозно-философской проблематикой творчества писателя и особенностями их художественного воплощения, то, в свою очередь, наследие Ф. М. Достоевского является важным звеном в понимании сложных, многогранных процессов, определявших историю и культуру Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Их судьбоносный характер для трех восточнославянских народов очевиден, но в силу своей значимости не предполагает никакой односторонности в осмыслении. Данные процессы антиномичны по своей природе. Они складывались из противоположных тенденций, центральные из которых — отношения Востока и Запада, церковной культуры и ее светской гуманистической версии, последнее соответственно указывало на проблему взаимодействия личного и индивидуального начал в человеческом существе.

Между Московским государством и Великим княжеством Литовским существовала не только зона отчуждения, но и особая форма взаимодействия. Носители общей культурной традиции попали в разные духовные измерения. Опыт нахождения в них стал не столько вызовом материнской культуре, сколько ее испытанием и утверждением логикой исторического движения.

Уже в современной Достоевскому русской историографии много писалось о важности этой темы для России. Судьба Юго-Западной Руси сравнивалась с зерном, упавшим в землю, плодом которого должен стать верный духовный и исторический выбор. Для Н. Я. Данилевского данный вопрос послужил поводом дать характеристику духовного состояния «высших слоев» русского общества, где «начали иссякать живой народный смысл и живое народное чувство», вытесненные «нелепыми гуманитарными бреднями» [Данилевский: 30]. Само строение проблемы, складывающейся из мировоззренческих крайностей, создавало вокруг себя полемическое пространство с многовековой предысторией, которое потенциально готово развиваться по катастрофическому сценарию. И в данном аспекте «полифоническая» картина мира произведений Ф. М. Достоевского, где вера и разум не разделяются идеологической и политической осью зла, а помещаются в поток непосредственных человеческих переживаний и состояний, оказывается уравновешивающим началом, необходимым условием для установления объективной точки зрения.

Как историософская проблема ситуация вокруг Юго-Западной Руси определяется главным образом вопросом об инакомыслии. Сперва Новгородская республика, а потом земли, вошедшие в состав Великого княжества Литовского, стали источником мировоззренческих движений, размывавших сложившуюся систему ценностей формирующегося Московского государства. Однако здесь следует различать два вектора этого противостояния. Первый пролегает в русле бинарной структуры средневекового мышления, порождающего оппозицию «Восток—Запад». Среди ее многообразных

модификаций для древнерусской культуры актуальным становится противопоставление «Византия—Европа», смысловое поле которого расположено между ситуацией «выбора веры» в «Повести временных лет» и Флорентийской унией, с последовавшим за ней падением Константинополя. Второй уходит своими корнями в глубины человеческого существа, искушаемого «запретной» мудростью. Первоначально этот вектор проявился в той непрерывной полемике древнерусских книжников с языческим («афинским») знанием, которая оставила след в памятниках церковной письменности. Впоследствии «знание» стало указывать на определенный тип поведения и мышления (индивидуализм и исключительность) человека, пытающегося не подчиниться, а подчинить себе религиозную картину мира. Два обозначенных явления тесно взаимодействуют друг с другом, наделены определенной степенью взаимообусловленности, но не тождественны. Первый вектор очевиден. В нем скрестились политические, исторические, социальные интересы эпох. Инакомыслие же в чистом виде характеризуется неоднозначностью — еще и потому, что его сущность может быть не понятна самому носителю.

Складывается определенный исторический тип (гуманистический). Он вызревает в рамках культурного пространства Древней Руси, на что указывает ряд литературных фактов (самый известный «Слово» или «Моление» Даниила Заточника), но одновременно не принимается и не опознается им.

В творческом сознании Ф. М. Достоевского художественное осмысление различий западного и восточного типов духовности и связанных с типами духовности философско-эстетических идей занимает значительное место (см. об этом: [Шараков, 2017: 96–118], [Шараков, 2018: 297–300]). В свою очередь, художественное осмысление гуманистического типа человека, его сознания и поведения в творчестве Ф. М. Достоевского дано не в его апологетике или отрицании, а представлено как сложный, неоднозначный феномен, воплощенный в образе «подпольного человека» [Башкиров, 1996: 20–28].

В перспективе исторического развития в духовном «заточничестве» автора-героя «Моления» видится уже не исключение из правил, а обобщение процесса кристаллизации индивидуального начала. Оно вырисовывается в рамках двух составляющих: критическое (скептическое) отношение к традиционному типу культуры, своеобразный духовный произвол, который трансформируется в социальное представление о свободе. Последнее складывается из конкретных политических категорий: неприятие института феодальной раздробленности и обоснование принципа единовластия (сильного князя), между которыми располагается индивидуальное пространство. Однако это только схема. В своей исторической действительности духовное «подполье» индивидуального начала как определенная мировоззренческая доминанта, характеризующая «пограничное» поведение человека, — явление сложное и неоднородное. Так, например, знаменитый

древнерусский эмигрант князь А. М. Курбский, с которым пересекались пути Федора Ивановича Достоевского, предка писателя², бежит от деспотизма Ивана Васильевича Грозного. Он воспринимает личность царя как не соответствующую православному культурному типу. Обосновавшись в Великом княжестве Литовском, А. М. Курбский становится обличителем своего политического оппонента и одной из центральных фигур православного просвещения в Юго-Западной Руси. Но в контексте документов, относящихся к истории рода Достоевских, мы его видим со стороны семейных неурядиц и бракоразводных процессов. И уже представители следующего поколения князей Курбских становятся католиками.

«Западнорусский» компонент наблюдается в знаменитых новгородско-псковских ересях XIV–XVI вв. Однако он не только воздействует, но и формируется в Московском царстве, проникая в Великое княжество Литовское в качестве различных видов эмигрантов: религиозных («нестяжатели»), интеллектуальных (Феодосий Косой), политических (кн. А. М. Курбский). С другой стороны, знаменитые апологеты самодержавной царской власти или имеют «литовское» происхождение (преп. Иосиф Волоцкий), или представляют социальные типы, образованные историческими реалиями Великого княжества Литовского (Иван Пересветов).

Само появление рода Достоевских как документального факта непосредственно связано с процессом эмиграции-перемещения древнерусских князей из Московского государства в Великое княжество Литовское и обратно. Пожалование Даниле Ивановичу Иртищевичу Полкотического имения (в том числе и «дворища» в селе Достоево), датируемое октябрём 1506 г., было сделано потомком боровско-серпуховских князей Федором Ивановичем Ярославичем. Боровско-серпуховские князья с начала XIV в. имели династические связи с Великим княжеством Литовским. В свою очередь, гипотетическая, не подтвержденная документально история происхождения рода Достоевских основана на пересечениях с этим княжеством, в частности с отъездом в Литву, а потом возвращением из нее в 1446 г. деда Федора Ивановича и бегством в 1456 г. его отца [Башкиров, 2005: 159]. Близость с боровско-серпуховским княжеством оказывается своеобразным источником косвенных сведений о предыстории рода Достоевских. С одной стороны, именно с этим княжеством связано самое раннее, а затем и наиболее частотное упоминание в письменных источниках имени-прозвища Ртище-Ртищевы [Башкиров, 2005: 159], [Башкиров, 2008: 132–133]. С другой — первое упоминание схожего прозвища — Степан Иртище — в Литовской метрике относится ко времени пребывания в Великом княжестве Литовском князя Василия Ярославича и возникло в связи с называнием земель, которые ему были пожалованы: «А Степану Иртище Леповица, тамъ же за Мезоцкомъ и ма в отчизну»³. При этом бросается в глаза то, что все

древнерусские источники устойчиво используют образование *Ртище(о)-Ртищев* (с этимологией от «рот»), а литовские — *Иртище*, что может указывать на род занятий (охотник)⁴ [Башкиров, 2005: 165–166].

Таким образом, начало истории рода Достоевских напрямую связано с процессом эмиграции, что отмечалось исследователями [Волоцкой]. Однако этот факт не позволяет говорить однозначно о боровско-серпуховском истоке рода. Во-первых, сама частотность и одновременно устойчивость использования в древнерусских документах прозвища *Ртище-Ртищев* и единственность литовского варианта *Иртище*, от которого образуется именование первого представителя рода Данилы Ивановича, указывает на местные особенности и косвенно связывает происхождение рода со Степаном Иртище. Во-вторых, если ранее родоначальник Данилевичей, а потом Достоевских фигурировал в пинском княжестве в единственном числе, то впоследствии были обнаружены его семейные связи в лице предположительно матери Татьяны Ивановой Ртищевичевой и брата Григория Ивановича Иртищевича Бруяки [Башкиров, 2007: 154–158]. Написание *Ртищевичева* не должно вводить в заблуждение. Подлинник документа от 14 мая 1506 г. был утрачен еще в начале XVII в., сохранились более поздние выписки из него [Башкиров, 2007: 155]. Причем их содержание позволяет предположить, что пожалование Даниле Ивановичу (октябрь 1506 г.) было подтверждением прав на часть наследства, а не собственно дарением.

Фамилия *Достоевские* появляется во втором поколении Иртищевичей. Основная часть Полкотического имения отходит, по-видимому, к старшему сыну Данилы Ивановича Семену. Достоевским начинает именовать себя другой его сын — Иван [Башкиров, 2005: 167–168], [Башкиров, 2008: 137]. Сыновья Ивана Даниловича Достоевского: Сасин, Стефан, Рафал, Федор — образуют три ветви рода [Башкиров, 2008: 130–131], к одной из которых принадлежал Ф. М. Достоевский. «Пинская» часть рода складывается, скорее всего, из потомков *Сасина Ивановича Достоевского*. Ее характеризует традиционность и типичность, что проявилось в активности представителей этого ответвления Достоевских во всех сферах жизни Великого княжества Литовского: от политической и служебной до имущественной. Они создавали семейные связи с самыми известными фамилиями «пинского повета»: Ордами, Корженевскими, Скирмутаи [Башкиров, 2007: 137–143]. Особая их активность приходится на XVII век. Эта та часть рода, которая срослась с историей и культурой Речи Посполитой, стала их носителем и выразителем. Одной из главных ценностей для этого культурного типа было поддержание своего «шляхетского» достоинства, чем представители «пинской» ветви, если проанализировать сохранившиеся документальные материалы, и занимались сознательно или бессознательно. Поэтому с определенной долей уверенности можно сказать, что никто из них не мог утратить свое дворянское состояние и перейти в духовное сословие, как это произошло с предками Ф. М. Достоевского.

Такой поворот более вероятен для потомков *Федора Ивановича Достоевского*, покинувшего по каким-то причинам родные места и оказавшегося на землях современной Украины. Он сблизился со знаменитым древнерусским диссидентом князем А. М. Курбским и вел в судах его семейные дела. Род деятельности Федора Ивановича показывает, что его положение строилось на покровительстве кн. А. М. Курбского. С его утратой все могло кардинально поменяться. Для потомков Федора Ивановича Достоевского вполне возможен переход в духовное сословие как вынужденная мера, а вместе с ней и сохранение своего православного статуса в униатстве.

«Минская» ветвь рода, ведущая начало от самого известного по историческим источникам представителя фамилии *Стефана Ивановича Достоевского* [Башкиров, 2005: 168–176], по характеру своего развития могла или утвердиться в «шляхетском» качестве и перейти в католицизм, или сознательно остаться в православии. Второй вариант в большей степени отвечает судьбе самого Стефана Достоевского. В качестве непосредственного предшественника Михаила Рагозы на посту наместника Минского Вознесенского монастыря он оказался в эпицентре событий по подготовке Брестской унии. После отстранения начинается полоса жизненных неурядиц, которая завершается уголовным делом против его дочери Марыны, обвиняемой в убийстве. Стефан Достоевский сам фигурирует в деле: используя свое служебное положение «писаря гродского Менского», он вписал фальшивое завещание в государственные акты. Следующее упоминание о нем относится к 1624 г.: Стефан Достоевский оказывается во Львове перед иконой Божьей Матери. Само нахождение его на склоне лет в одном из западнорусских центров православного движения, где было создано в 1583 г. Львовское братство, объединявшее мирян в отстаивании своих традиционных верований, знаменательно. Но именно глубоко личная, исключительная сторона этого факта, вырастающая из трагических обстоятельств и ситуаций жизни родоначальника «минской» ветви Достоевских, как раз и не позволяет распространить его на последующие поколения. Судьба Стефана Достоевского, безусловно, важная часть духовной истории рода, наложившая на него свой отпечаток, но не возможная модель, по которой могло пойти его естественное развитие. Здесь приоритет за тем историческим типом, который представляет собой линия Федора Ивановича Достоевского.

В данном аспекте бросаются в глаза слагаемые жизни отца писателя М. А. Достоевского. Старший сын униатского священника рвет со своим сословием, семьей и строит жизнь, не оглядываясь на прошлое, на новом месте, в новом социальном качестве. В этом поступке узнаются его предки — как те, что стоят у истоков рода, Иртищевичи, так и те, что, как Федор Иванович, покидали «пинские» пенаты в поисках новых возможностей. Но одновременно это было возвращение из священнического сословия в дворянское. М. А. Достоевский шел своим путем к тому «шляхетскому»

состоянию «пинских» родственников, которого безуспешно добивалась утратившая его «украинская» ветвь рода. И он получил желаемое, выслужив личными заслугами потомственное дворянство и обосновавшись помещиком в Даровом, которое совсем не случайно созвучно Достоеву. И именно судьба рода позволяет увидеть в житейском поступке, в самом характере отца писателя сфокусированные в них исторические, социальные, мировоззренческие коллизии, к которым прямо или косвенно были причастны Достоевские на протяжении нескольких веков.

Таким образом, можно повторить мысль о двусторонности обозначенной в названии проблемы — связи наследия Ф. М. Достоевского и истории рода Достоевских. Безусловно, одна из перспективных задач для исследователей — выявление воздействия на творчество Ф. М. Достоевского истории рода его предков. В ней скрестились важнейшие религиозно-философские, государственные, политические проблемы XVI–XVII вв., оставшиеся актуальными и для XIX–XXI столетий. Однако помимо фактов непосредственного обращения Ф. М. Достоевского к жизни своих предков, интереса к ключевой проблеме истории Юго-Западной Руси — Православию и католицизму, — в его творчестве исключительное положение занимают образ и судьба отца, трансформировавшиеся в романах писателя в различные вариации темы семьи. Но как раз в произведениях Ф. М. Достоевского эта тема выходит за свои «биографические» рамки и наделяется историософским смыслом как способ постижения судеб трех восточнославянских народов, для всестороннего понимания которых наследие писателя — необходимый и уникальный источник.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Памятники полемической литературы в Западной Руси // Русская историческая библиотека. Т. 7. СПб., 1882. Стб. 116–117.
- ² См. об этом: Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Киев: Лито-тип. Вальнер, 1849. Т. 1, 2. Т. 1. 338 с.; Т. 2. 366 с.
- ³ Литовская метрика. Книга записей № 3 (1440–1498). Вильнюс, 1998. С. 37.
- ⁴ «рты», «ирта» — лыжи, лыжа. Вариант, распространенный в орловско-трубчевской области, — охотничьи лыжи (см. об этом: [Хроника рода Достоевских: 19]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкиров Д. Л. Феномен «подпольного сознания» в творчестве Ф. М. Достоевского и в древнерусской литературе // Достоевский и современность: материалы X Международных Старорусских чтений 1995 года. — Старая Русса, 1996. — С. 20–27.
2. Башкиров Д. Л. Род Достоевских на землях Великого княжества Литовского в XIV–XVI веках // Филологические записки. — Воронеж, 2005. — Вып. 23. — С. 157–177.
3. Башкиров Д. Л. История рода Достоевских: новые материалы // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2007. — № 4. — С. 151–164.

4. Башкиров Д. Л. История рода Достоевских и творчество Ф. М. Достоевского // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения: межвузовский сборник научных трудов. — Иркутск, 2008. — Вып. 18: 500 лет Роду Достоевского. — С. 128–150.
5. Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского 1506–1933. — М.: Север, 1933. — 442 с.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — 576 с.
7. Памятники полемической литературы в Западной Руси // Русская историческая библиотека. — СПб., 1882. — Т. 7.— Стб. 116–117.
8. Шараков С. Л. Мотив «рыцарской платонической любви» в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. — СПб., 2017. — № 35. — С. 96–119.
9. Шараков С. Л. Теофании в романе «Братья Карамазовы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2018. — № 4 (82). — Ч. 2. — С. 297–300.
10. Дарашкевич В. Пасляслоўе, каментары і бібліяграфія // Мікола Гусоўскі. Песня пра Зубра. — Минск, 1980. — 192 с.
11. Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина; Волгин И. Л. Родные и близкие: историко-биографические очерки. — М.: Фонд Достоевского, 2012. — 1232 с.

Дата поступления в редакцию: 25.05.2018

Dmitriy L. Bashkirov

*Ph.D. in Philology,
Associate Professor of the Department of Russian Literature
of Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)*

bashkirov_dl@mail.ru

Sergey L. Sharakov

*Ph.D. in Philology,
Senior Scientist Researcher of
F. M. Dostoevsky Memorial House-Museum
(Staraya Russa, Russian Federation)*

ssharakov@yandex.ru

THE DOSTOEVSKYS FROM DOSTOEVO: “BELARUS AND F. M. DOSTOEVSKY” AS THE OBJECT OF RESEARCH

Abstract. The article examines the question of significance of the history of the Dostoevsky dynasty on the lands of Grand Duchy of Lithuania while studying F. M. Dostoevsky’s literary heritage. It can be considered as a real source of the religious and philosophical problems exposed in the writer’s creative works. The structure of historical destinies of three East Slavic peoples formed by world view extremes created a polemic scope with centuries-old background which potentially seems to follow a catastrophic scenario. In this aspect the imaginative polysemy of the “polyphonic” picture of the world in the writings of F. M. Dostoevsky, where belief and mind aren’t separated by an ideological and political axis of the evil, but located in a stream of direct human experience and states, can become a necessary condition to avoid unilaterality and tendentiousness while judging the problem of the existence of Southwest Rus’ as a part of Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: F. M. Dostoevsky, the Dostoevsky dynasty, Belarus, Dostoevo, Grand Duchy of Lithuania, unification, Rus’, emigration

REFERENCES

1. Bashkirov D. L. The Fenomen of the “Underground Consciousness” in F. M. Dostoevsky’s Creative Work and in Old Russian Literature. In: *Dostoevskiy i sovremennost’: materialy X Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 1995 goda [Dostoevsky and Modern Age: the 10th International Readings in Old Russian Culture. Proceedings of 1995]*. Staraya Russa, 1996, pp. 20–27. (In Russ.)
2. Bashkirov D. L. The Dostoevsky Dynasty on the Lands of the Grand Duchy of Lithuanian in the 14th–16th Centuries. In: *Filologicheskiye zapiski*, 2005, issue 23, pp. 157–177. (In Russ.)
3. Bashkirov D. L. The History of the Dostoevsky Dynasty: New Materials. In: *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation]*, 2007, no. 4, pp. 151–164. (In Russ.)
4. Bashkirov D. L. The History of the Dostoevsky Dynasty and F. M. Dostoyevsky’s Creative Work. In: *Tri veka russkoy literatury: Aktual’nye aspekty izucheniya [Three Centuries of Russian Literature: Topical Aspects of Studying]*. Irkutsk, 2008, issue 18, pp. 128–150. (In Russ.)
5. Volotskoy M. V. *Khronika roda Dostoevskogo 1506–1933 [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty]*. Moscow, Sever Publ., 1933. 442 p. (In Russ.)
6. Danilevskiy N. Ya. *Rossiya i Evropa [Russia and Europe]*. Moscow, Kniga Publ., 1991. 576 p. (In Russ.)
7. The Monuments of Polemic Literature in the Western Russia. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka [The Russian State Public Historical Library]*. St. Petersburg, 1882, vol. 7, pp. 116–117. (In Russ.)
8. Sharakov S. L. The Motif of “Courtly Platonic Love” in the Novel “Idiot”. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul’tura [Dostoevsky and World Culture]*. St. Petersburg, 2017, no. 35, pp. 96–119. (In Russ.)
9. Sharakov S. L. Teofaniya in the Novel “The Brothers Karamazov”. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Studies. The Questions of Theory and Practice]*. Tambov, 2018, no. 4 (82), part 2, pp. 297–300. (In Russ.)
10. Darashkevich V. Epilog, Comments and Bibliography. In: *Nikolay Gusovskiy. Pesnya pro Zubra [Nikolay Gusovsky. A Song About a Bison]*. Minsk, 1980. 192 p. (In Belarus.)
11. *Khronika roda Dostoevskikh; Igor’ Volgin. Rodnye i blizkie: Istoriko-biograficheskie ocherki [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty; Igor Volgin. Relatives: Historical and Biographical Essays]*. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012. 1232 p. (In Russ.)

Received: May 25, 2018

DOI 10.15393/j10.art.2018.3561

Константин Абрекович Баршт*доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник**Отдела новой русской литературы
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Российская Федерация, Санкт-Петербург)*

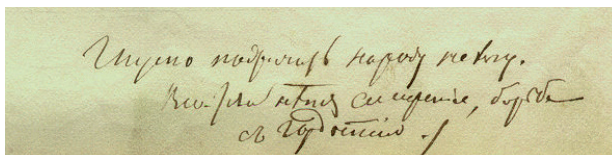
konstantin_barshat@pushdom.ru

**«ГНУСНО ПОДРАЖАТЬ НАРОДУ НЕ ХОЧУ».
ОБ ОДНОЙ ДВУСМЫСЛЕННОЙ ФРАЗЕ
ИЗ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ К РОМАНУ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

Аннотация. В статье анализируется фраза из подготовительных материалов к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», опубликованная в седьмом томе Полного собрания сочинений в 30 т.: «Гнусно подражать народу не хочу» (реплика главного героя произведения Родиона Раскольников). Для доказательства тезиса, что в таком виде фраза выглядит как идеологически противоречащая всем другим текстам писателя, включая и окончательную версию романа, привлекается ряд трактовок текстовой двусмысленности в лингвистическом и литературоведческом аспектах. Приводятся доказательства того, что черновая запись писателя имеет иную текстологическую природу, чем печатный текст произведения: в ней могут содержаться пропуски знаков пунктуации, букв и слов, что является не ошибкой, а естественной частью избранного автором формата автокоммуникации — быстрой записи в сокращенной мнемонической форме задуманных художественных идей. Делается вывод об ошибочности воспроизведения этой фразы в вышеуказанном издании и необходимости читать ее в одном из двух вариантов: «Гнусно / подражать народу не хочу» и «Гнусно подражать народу / не хочу» (знаком «/» отмечено место, где при печатном воспроизведении фразы должна находиться запятая, точка или точка с запятой).

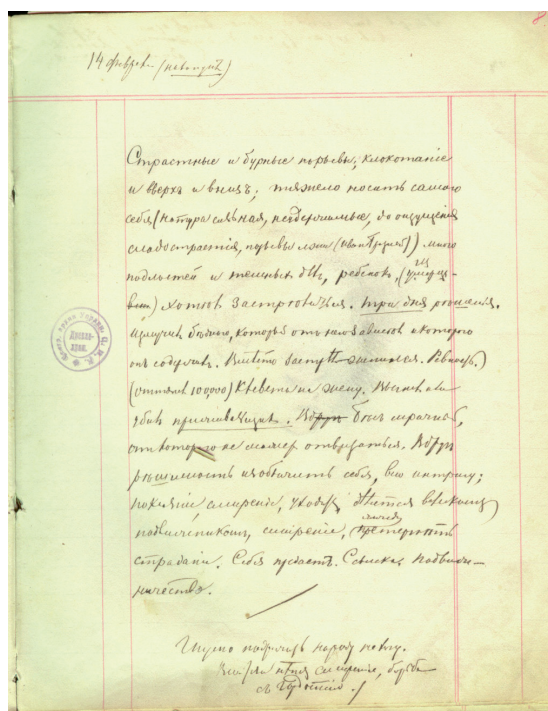
Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, подготовительные материалы к «Преступлению и наказанию», двусмысленность, текстологические свойства черновика, мнемоническая запись, автокоммуникация

В подготовительных материалах к роману «Преступление и наказание», опубликованных в седьмом томе Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (Л., 1973), содержится фраза: «Гнусно подражать народу не хочу». Все-таки нет смирения, борьба с гордостью!»; Л. Д. Опульская, подготовившая эти материалы, кавычками выделила реплику (мысль или внутреннюю речь) Родиона Раскольникова.

Илл. 1

Следует отметить, что этот текст расположен внизу страницы «тетради № 3» (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 8) в виде отдельной добавочной записи непосредственно после большого текстового фрагмента, написанного на одном дыхании. Запись эта традиционно публикуется в составе черновых рукописей этого произведения, но, вероятно, связана и с другими замыслами писателя, — в частности, с задуманным в эти годы романом «Житие великого грешника», одну из версий фабульной основы которого формирует данный текст, внесенный в тетрадь, согласно авторской дате, 14 февраля [1866 года]: «Страстные и бурные порывы, клокотание и вверх и вниз; тяжело носить самого себя (натура сильная, неуправляемая, до ощущения сладострастия, порывы лжи (Иван Грозный)), много подлостей и темных дел, ребенок (NB умерщ[влен]), хотел застрелиться. Три дня решался. Измучил бедного, который от него зависел и которого он содержал. Вместо застрелиться — жениться. Ревность. (Оттягал 100 000.) Клевета на жену. Выгнал или убил приживальщика. [Вдруг] бес мрачный, от которого не может отвязаться. Вдруг решимость изобличить себя, всю интригу; покаяние, смирение, уходит, делается великим подвижником, смирение, жажда претерпеть страдание. Себя предаёт. Ссылка. Подвижничество» (7, 156).

Илл. 2.

* Здесь и далее в цитатах в квадратные скобки заключен текст, зачеркнутый Ф. М. Достоевским.

Необходимо отметить пространственное расположение в тетради данной 8-й страницы с анализируемыми записями. Она находится между страницами с двумя портретными рисунками (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 7 и 9), с помощью которых писатель производил физиономический анализ свойств описанной «страстной и бурной» натуры, в равной степени относящейся и к герою «Преступления и наказания» Раскольникову, и к «юродивому присяжному поверенному», главному герою задуманного им в этот период и неосуществленного романа «Житие великого грешника»². Обращает на себя внимание физиономическое сходство одного из этих портретов с известным писателю московским юродивым Яковом Петровичем Корейшей [Баршт: 170, 174]. Страстное и бескомпромиссное искание правды суть общее между протагонистами «Преступления и наказания» и задуманного в эти же годы «Жития великого грешника».

Следует также заметить, что на ранних этапах работы над новым произведением писатель нередко отталкивался от только что созданного им художественного мира, модифицируя характерные черты законченного образа с помощью добавления новых идеологических концептов или программ жизнеустройства. Так, не укладывающаяся ни в какие привычные рамки требовательная, бескомпромиссная и не считавшаяся ни с какими общественными нормами натура Родиона Раскольникова преобразовалась в работе над «Житием великого грешника» в «юродство» протагониста этого произведения, «доброе и благороднейшего человека», «благодетеля многих», постоянно подвергающегося незаслуженным обвинениям, который всех мирит и кормит (9, 114), заставляя вспомнить проект Родиона Раскольникова «стать Гасом» после окончания его наполеоновского проекта (7, 80). Герой «Жития великого грешника» в какой-то степени есть продолжение «Преступления и наказания», описывающего жизненный путь спасенного Соней и ставшего на путь христианского исправления Раскольникова. Дальнейший путь этого типа характера на иной фабульной основе представлен в романе «Идиот»: князь Мышкин реализует многое из того, что было намечено Достоевским в «юродивом присяжном поверенном». Что же касается сформулированной на с. 8 «страстной» натуры с «неудержимой» волей и «клокотанием и вверх и вниз», то в романе «Идиот» эти свойства унаследовал Парфен Рогожин, антипод блаженного князя Мышкина.

Анализируемая нами запись расположена в промежуточном пространстве между портретами, на которых сделаны графические эскизы обоих «лиц идеи» морального перфекциониста: юродивого «присяжного поверенного» и обладателя «страстного» характера, которому «тяжело носить себя». Запись со всей очевидностью относится к периоду создания романа «Преступление и наказание», не противореча ни характеру описанной на странице «страстной» натуры, ни характеру Родиона Раскольникова, в равной степени склонного и к совершению преступления, и к подвигу самопожертвования.

Смысл изучаемой нами фразы, в зависимости от постановки в ней знаков пунктуации, распадается на два противоположных варианта: 1) автореферентное перформативное высказывание, фиксирующее внутреннее состояние героя — огорчение при мысли о возможной потере самостоятельности в свободе выбора, о необходимости «подражать» своими поступками. В этом случае фраза приобретает вид: «Гнусно, подражать народу не хочу» — с акцентом на отвращении к обывательским жизненным ценностям, подражание которым рассматривается как особенно неприемлемое решение; или с декларацией ценности личной свободы: «Гнусно подражать народу, не хочу»; 2) противоположный смысл, в котором протагонист из протестанта и гордеца обращается в вялого уступчивого конформиста, согласного все же «подражать народу», но при условии, что это все же будет осуществляться в не столь отвратительно пошлой форме: «Гнусно подражать народу не хочу» («не хочу подражать народу» как? — «гнусно»).

Другими словами, в семантике, заявленной в седьмом томе Полного собрания сочинений, характер персонажа меняется настолько существенно, что буквально обрушивает всю систему его идеологических мотивировок: намерение Раскольникова попробовать себя в роли «наполеона» и в качестве первого шага к овладению миром убить старуху-процентщицу выглядит, прямо скажем, парадоксально. В этом втором смысле, противоречащем указанному во второй части фразы «отсутствию смирения» и заявленной «борьбе с гордостью», протагонист романа Достоевского неожиданным образом соглашается с толпой, надеясь, что «подражание народу» все же возможно, — правда, отказывается делать это «гнусно», предпочитая совершать это каким-то иным, альтернативным образом.

Возникает вопрос: что имел в виду Достоевский? отказывается ли на самом деле Раскольников «подражать народу» (и что такое в его представлении «народ» — не в почвеннической ли идеологической перспективе Достоевского?) или, напротив, склоняется к такого рода подражанию, выработывая в себе модель «не гнусного», облагороженного подражания, каким-то неведомым образом способного сочетаться с «наполеоновской» системой ценностей? Налицо двусмысленность, преодоление которой — одна из главных задач текстологии, направленной на точное непротиворечивое воспроизведение рукописей писателя.

В нашей работе не ставится целью исследование феномена двусмысленности как такового, имеющего большую традицию изучения в самых различных аспектах, включая и литературоведческий³. В изучении данного конкретного случая необходимо также учитывать, что речь идет о фразе из черновых записей Достоевского, т. е. акте творческой автокоммуникации, в котором отсутствует необходимость обычного для бытовой речи высокого уровня семиотической избыточности. Черновик такого рода по своей семантической структуре близок к «внутренней речи», которая, согласно концепции Л. С. Выготского, суть «максимально свернутая, сокращенная, стенографическая речь. Письменная речь есть максимально развернутая,

формально более законченная, чем устная. В ней нет эллипсов. Внутренняя речь полна ими» [Выготский: 239]. Подготовительные материалы к роману, которыми заполнял писатель свои рабочие тетради, типологически находятся между окончательной формой готового произведения писателя и процессом автокоммуникации, творческого размышления, отражением которого они являются. Давно замечено, что черновые записи Достоевского в его «тетрадах» чрезвычайно близки к стенограмме, сокращены и полны эллипсов, максимально приближены к его «внутренней речи», которая, как указывает Н. С. Валгина, «не может быть литературно гладкой, с эксплицитно представленными синтаксическими связями. Это противоречит самой сути ее. Внутренняя речь как действительный поток сознания полна алогизмов, смысловых нестыковок, повторов и пропусков, мгновенных переходов от одного объекта мысли к другому, ей свойственна прерывистость и непоследовательность. Такая речь без дополнительных средств передачи смысла не может быть воспроизведена на письме» [Валгина: 250]. К числу этих «средств», разумеется, относятся и знаки препинания.

Отсутствие в нужном месте знака препинания может обратиться в тяжелую проблему. Классическим примером такого рода является фраза: «Казнить нельзя помиловать», где от постановки запятой зависит смысл, диаметрально меняющийся в альтернативном случае. Ситуация двусмысленности — возникновения фразы, которую можно понимать одновременно в двух различных значениях («дилогии» или «амфиболии» [Ахманова: 123]) — достаточно хорошо изучена в филологической науке. О. А. Лаптева выделяет две основные разновидности двусмысленности: 1) частичную, разрешимую в контексте; 2) полную, не снимаемую языковыми средствами. Переводя проблему в область рецепции, А. Киклевич указывает на различия между симультанной и сукцессивной двусмысленностями, которые определяются качеством восприятия того или иного реципиента⁴. Другим способом классификации может служить нормативность или ненормативность языковых средств, формирующих двусмысленную фразу; в случае сознательного применения дилогии как стилистического приема, автор преднамеренно формирует фигуру речи, в которой заключена двусмысленность, возникающая за счет использования контекста или многозначных слов [Москвин: 50]. В случае полисемической дилогии может образовываться феномен «мерцания» двух равноправных значений, каждое из которых опровергается сопутствующим альтернативным. А. П. Чехов в письме Н. А. Хлопову от 13 февраля 1888 г. назвал знаки препинания «нотами при чтении»⁵. Письменный текст без знаков препинания можно также сравнить с компасом без стрелки — настолько труден и запутан он при этом становится. Примеров этому можно привести множество. Хрестоматийным стал случай с отсутствующими знаками препинания в строфе стихотворения А. С. Пушкина «Редет облаков летучая гряда»:

«И дева юная во сне тебя искала
И именем своим подругам называла»⁶.

Освещая эту проблему, Д. С. Лихачев писал: «Как быть в сомнительных случаях с расстановкой знаков препинания? Я имею в виду те случаи, где можно расставить по-разному знаки препинания и в зависимости от расстановки меняется смысл текста. Многие из современных издателей рекомендуют в этих случаях вовсе не ставить знаков препинания, предоставляя это сделать будущим исследователям текста. Я думаю, что это не совсем правильно, и вот с какой точки зрения: будущий исследователь может и не обратить внимания на двусмысленность текста, принять произвольно ту или иную расстановку знаков препинания, сочтя отсутствие их простой небрежностью издателей». Исходя из этого, нужно «не довольствоваться “полусмыслом” или “полупониманием” текста — это полупонимание текста наиболее опасно с точки зрения возможностей “ошибок осмысления”» [Лихачев: 510].

Языковые ситуации такого рода детально проанализированы в диссертации М. А. Южанниковой, которая приводит пример из научной статьи, когда отсутствие / присутствие запятой кардинально меняет смысл предложения: «партизанить — “летать, не пользуясь радиосвязью<, > на высоте ниже 300 м.” (авиа)», — где отсутствие второй запятой может быть расценено либо как ошибка, либо как указание на отказ от использования радиосвязи на высотах ниже 300 метров [Южанникова: 67]. Каждый раз, когда мы встречаемся с такими несовершенствами текста, как, например, отсутствующая запятая или орфографическая ошибка, возникает сомнение: оставить как есть, канонизировав авторскую волю в том виде, в каком она формально представлена в тексте, или попытаться сделать исправление согласно видимому смыслу? Ведь при исправлении существует опасность уподобиться переписчику, который, «заметив опisku в оригинале, стремится ее исправить и исправляет часто неверно, иногда даже не то слово, в котором произошла ошибка, придавая новый смысл испорченному пассажиру» [Лихачев: 24]. На ошибки, возникающие при отсутствующей или неверно поставленной запятой, приводящие к “разрушению смысла” и обращению фразы в “нелепую”, указывает также коллективная монография группы текстологов Петрозаводского университета [Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского: 102].

С другой стороны, Н. В. Перцов и И. А. Пильщиков обращают наше внимание на ситуацию, в которой двусмысленность не может быть преодолена без нарушения авторской воли, более того — двусмысленность входит в художественный замысел или, по крайней мере, ему не противоречит. Речь идет о двух строках из пушкинского стихотворения «К живописцу»: «Надежды робкия черты», о которых ранее писал и В. Э. Вацуро [Вацуро: 260] (см. также: [Шапир, 2000: 240]). Н. В. Перцов и И. А. Пильщиков указывают, что эту строку можно понимать двояко: «не то “черты робкой надежды”, не то “робкие черты надежды”». При этом М. А. Цявловский в первом академическом издании Пушкина выбрал первую версию⁷, а В. Э. Вацуро в новом

академическом издании 1999 г. предпочел вторую, а первую вынес в комментарий⁸. Однако, по мнению авторов статьи, и то и другое решение ошибочно: «...в Пушкинской орфографии обсуждаемый стих неоднозначен, а модернизированное правописание навязывает ему единственное — безальтернативное — прочтение» [Перцов, Пильщиков: 20–21]. Другими словами, попытка преодоления такого рода неопределенности уничтожает метафору, скрывающуюся за мнимой двусмысленностью. Авторы приводят ряд аналогичных примеров, в частности из пушкинского «Кавказского пленника»⁹, и делают вывод: «В контекстах такого рода двусмысленность неразрешима: она объективно заключается в тексте и потому должна быть сохранена» [Шапир, 2001: 51], [Пильщиков: 331–333].

В описанных случаях речь идет о двусмысленности, работающей на уровне тропа — своего рода «фигуры переосмысления», по М. Л. Гаспарову, — в окончательном тексте произведения, в случае, когда и первый, и второй смыслы в равной степени приемлемы для верного понимания текста, варьируя различные оттенки художественного смысла. В данном случае речь идет о черновой записи, со всей очевидностью далекой от задач метафорики, записи, строго и точно указывающей на одно из важных свойств характера героя, в котором один из смыслов соответствует известным по иным источникам идеологии произведения и доказанному типу его характера, а другой категорически ему противоречит.

Попытка сбросить авторскую волю, сохраняя непреодолимое противоречие, зафиксированное отсутствующей запятой, есть путь, ведущий, фактически, в прямо противоположную сторону — к нарушению авторской воли. Речь здесь идет не о действии авторской воли как феномене права, но о конкретной фразе, которая получила в данном тексте верную, соответствующую мысли писателя, или неверную, не соответствующую его мысли, форму. Согласно мнению Д. С. Лихачева, в своей работе текстолог, помимо исполнения ряда определенных процедур и следования «принципам», должен руководствоваться также здравым смыслом, направленным на то, чтобы максимально точно донести значения слов письменного источника [Лихачев: 14–15]. Особенно важна и ответственная работа текстолога при «изучении смысловой стороны текста», когда речь идет о «разночтениях» [Лихачев: 22], при этом «арифметика текста должна уступить место исследованию смысла текста» [Лихачев: 26]. Д. С. Лихачев писал: «Замысел и воля автора к воплощению этого замысла должны изучаться текстологом во всей их конкретной истории, во всей их сложности и в их меняющихся отношениях с текстами. <...> Считаться с волей и замыслом автора — значит понимать их, понимать намерения автора, на чем эти намерения зиждутся, их “происхождение” в широком смысле этого слова. Это требует от исследователя внутренней терпимости, умения временно становиться на точку зрения изучаемого автора, вникать в представления эпохи и т. д.» [Лихачев: 571].

Эти «представления эпохи», которые подчас приводили к резкому изменению смысла при отсутствующей в правильной позиции запятой были предметом особого внимания и со стороны С. А. Рейсера [Рейсер: 9–11]. Анализируя причины, по которым возникали подобного рода явления, он пишет: «Большинство писателей XVIII–XIX и XX вв. относились к расстановке знаков препинания совершенно равнодушно, перелагая эту работу на корректоров и спокойно принимая проведенную ими правку», «некоторые вообще обходились почти без всяких знаков препинания» [Рейсер: 51–52]¹⁰. Причиной этого, указывает А. Б. Шапиро, было отсутствие уверенности в том, что знаки препинания играют какую-либо роль в образовании смысла; примером этому могут быть известные случаи небрежного отношения к пунктуации со стороны В. Ф. Одоевского, Ф. И. Тютчева и др. писателей и поэтов [Шапиро, 1955: 26–27]. Это касается самых разных авторов литераторов XIX в., вероятно, то же самое относится и к Достоевскому, который не слишком большое внимание обращал не только на пунктуацию в своей черновой скорописи, но и на орфографию. Написанные торопливым, едва читаемым почерком строки, конечно, не «стенограмма» А. Г. Достоевской, но они остаются при этом столь же незаконченным и не откорректированным текстом, назначение которого — фиксация процесса творческой автокоммуникации. Работая над романом, рождая новые и новые идеи, Достоевский наскоро, не дописывая и пропуская слова, фиксировал свои «зачатия художественных идей», подготовительные материалы к будущему роману. В результате возникали страницы его «записных тетрадей», заполненные хаотически расположенными строчками, которые перемежаются идеограммами, рисунками и условными значками. Однако из того, что поэты и прозаики с пунктуацией часто не считаются, «не следует, делать чрезмерно нигилистические выводы, — пишет С. А. Рейсер. — Независимо от действий писателя в этой области текстолог обязан восполнить пунктуационные лакуны, а где надо, привести текст в ясность и даже реконструировать его» [Рейсер: 58]. Неслучайно описанию технологии такого рода реконструкции авторского текста с помощью изучения семантики входящих в него слов, с целью уточнения их внутритекстового значения, посвящена глава «Исследование авторского текста» книги Д. С. Лихачева [Лихачев: 280–346].

Этой же позиции придерживается и А. Б. Шапиро: «Самая природа пунктуации такова, что ее нормами могут быть предусмотрены только основные, наиболее типичные языковые конструкции; во всех же случаях, которые прямо не подходят под сформулированные правила, пишущий должен самостоятельно применять последние в зависимости от того, какими ему представляются членение его текста и смысловые отношения между расчлененными его отрезками» [Шапиро, 1956: 38]. В связи с этим вырисовывается правильная текстологическая перспектива: при работе с черновыми рукописями писателя исходить не только из проставленных

автором запятых, базируя на них смысл, но и, анализируя смысл записей, выставлять запятые, которые этот смысл проясняют: «Понятие об авторской воле в отношении текста никак нельзя механически переносить на знаки препинания. Они составляют, конечно, часть текста, но часть все-таки особого рода. Текстологу предстоит в каждом отдельном случае, изучив систему пунктуации конкретного автора, решить вопрос о степени выраженности в данном тексте его воли» [Рейсер: 61].

О необходимости донести до читателя смысл текста, исправляя в нем неясности и ошибки, ранее писал Б. В. Томашевский. Согласно его мнению, задачей текстолога является именно «разыскание и установление ошибок документа» [Томашевский, 1959: 162]. Томашевский отмечал, что текстолог обязан глубоко и адекватно понять текст, прежде чем его воспроизводить: «Литературовед не может быть не текстологом, то есть лицом, не умеющим разобраться в тексте. Равно и текстолог явится в весьма жалком виде, если он не будет литературоведом, то есть не сумеет разобраться в смысле изучаемого и издаваемого текста» [Томашевский, 1934: 413]. В случае нахождения такого рода ошибок возникает необходимость дополнения ее исходной формы знаками, приводящими текст в правильное состояние. Возникает проблема возможности и необходимости конъектур, которая С. М. Бонди была решена положительно. Предлагая текстологу «все понять в рукописи, осмыслить ее форму», он утверждал необходимость исправлений как основу практической работы текстолога, считая необходимым «как бы изнутри видеть весь текст, понимая его в его становлении». «Это понимание, — отмечал исследователь, — легко подсказывает нам и расшифровку вовсе неразборчивого слова, и простое и естественное заполнение недописанного второпях автором» [Бонди: 165].

«Всякое письменное произведение нуждается прежде всего в прочтении, в уяснении его смысла», — подчеркивал Д. С. Лихачев [Лихачев: 371]. Такого рода работу он называл «логически-смысловым анализом», задачей которого является устранение ошибок, связанных с неточностью текста, себе самому противоречащего: «В некоторых случаях логически-смысловой анализ является единственным средством установить вставку в текст, разрыв изложения, соединение разных источников, переделку и т. д.» [Лихачев: 380]. Применительно к тексту черновой рукописи писателя XIX в. это означает сопоставление изучаемого фрагмента текста со всеми текстами, которые были созданы в процессе работы автора над данным замыслом. В нашем случае — это текст романа «Преступление и наказание» плюс максимально полный корпус всех записей Достоевского, сделанных им в процессе написания этого произведения, т. е. все подготовительные материалы и иные автографы писателя. Таково требование научной полноты. Такого рода работа приводит к успеху лишь в случае дополнения ее «историческим подходом», изучением контекста в максимально приемлемых размерах. Это «уяснение смысла» не может проходить в отрыве от контекста. В своей

книге Д. С. Лихачев большое внимание уделяет «ошибкам осмысления текста», которые совершаются редактором или корректором: «Их делает также иногда сам текстолог <...>. Ошибки осмысления особенно трудно заметить, и они наносят наибольший ущерб изданию, изменяя содержание текста» [Лихачев: 433]. Мы же хотим остановиться на ошибке противоположного рода — *недоосмыслении текста*. Примером такого рода является фраза из записной тетради, относящаяся к формированию идеологии Родиона Раскольникова, главного героя романа «Преступление и наказание».

Обратимся к семантике слов, составляющих исследуемую фразу, рассматривая их в контексте творчества Достоевского в период создания романа «Преступление и наказание». Значение слова «народ», присущее нарративу «Преступления и наказания», в подавляющем числе случаев ассоциируется со смыслом «публика» или группа людей (прохожих или гостей), сбивающихся в «кучку» (6; 75, 92, 111, 132, 135, 136, 251, 294, 328, 357, 406), (7; 15, 43); такого рода словоупотребление иногда сопровождается у Достоевского подчеркивающими это значение ироническими эпитетами («глашатаи», «философы», «ученые») (7, 23), определяется их роль как зевак (7; 85, 91), случайных посетителей распивочной (7, 98), жильцов «номеров», естественным образом образующих всякого рода безобразия — «содом» при своем скоплении (7, 106) или в прямом значении неуправляемой или управляемой инстинктами «толпы» (6; 8, 11, 70, 122, 132, 370), (7; 215, 216). В единичных случаях слово «народ» в «Преступлении и наказании» употребляется также в значении: группа людей, исповедующих какую-либо политическую доктрину, например, «социализм» (7, 161), или выступающих в роли представителей какого-либо анклава (6; 211, 277), членами которого могут оказаться «пьяницы» или «подлецы» (6; 356, 384, 390). Эта картина дополняется также исполненными сарказма формулами типа: «Народ не народный», где звучит раскольниковская мысль о низости интересов большинства людей, сосредоточенных отнюдь не на философско-нравственных вопросах и намерении спасти мир от зла (7, 160). Лишь в одном случае, среди черновых записей к роману, возникает значение, приближающееся к идеологическому концепту «почвенничества» — в значении «христов народ» (в словах Сони Мармеладовой), т. е. люди, страдающие вместе с Христом и готовые принять на себя страдание за чужие грехи (7, 134).

Во множестве эпизодов романа зафиксировано, что Раскольников боится «народа», сторонится его, относится к нему с отвращением и страхом: «Он вошел на Сенную. Ему неприятно, очень неприятно было сталкиваться с народом, но он шел именно туда, где виднелось больше народу. Он бы дал всё на свете, чтоб остаться одному; но он сам чувствовал, что ни одной минуты не пробудет один. В толпе безобразничал один пьяный: ему всё хотелось плясать, но он всё валился на сторону» (6, 405). Но и после того, как Раскольников поклонился «народу» на площади и признался в убийстве процентщицы, после того, как он принимает страдание и идет на каторгу,

это отношение не исчезает, более того — получает взаимность. В остроге его «не любили и избегали все. Его даже стали под конец ненавидеть — почему? Он не знал того. Презирали его, смеялись над ним, смеялись над его преступлением те, которые были гораздо его преступнее» (6, 418). Из этого можно сделать вывод, что семантическая конструкция данного элемента идеологии «Преступления и наказания» следующая: Раскольников презирает «народ», погруженный в «низости», не в состоянии «примириться» с ним, однако Соня с помощью христианской проповеди склоняет его к покаянию, когда он «ломает» свою гордость и пытается раскаяться в преступлении. Основная коллизия разрешения противоречия «гордость / смирение» в рукописях обозначена следующим образом: «Главное NB. Он говорит: царить над ними! Все эти низости кругом только возмущают его. Глубокое презрение к людям. Гордость. Сообщает Соне свое презрение к людям. Из гордости не хочет. Спорит с нею. О, я не могу примириться с ними. Наконец примиряется со всеми. Видение Христа. Прощения просит у народа. Гордость. Идет. Соня и любовь к ней сломали» (7, 135).

Что касается «смирения», этим свойством в «Преступлении и наказании» отмечены персонажи иного, сравнительно с Раскольниковым, характера. Мармеладов, «не с презрением, а со смирением» принимающий издевательские усмешки, которыми снабжают его пьяные откровения «мальчишки за стойкой» в распивочной (6, 14), (7, 102), далее «со смирением» он ползает перед женой на коленях, когда она таскает его за волосы (6, 24). Другой персонаж «Преступления и наказания», отмеченный «смирением», — это Лизавета, «высокая, неуклюжая, робкая и смиренная девка», которая находится в рабстве у своей сестры Алены Ивановны, «трепетавшая перед ней и терпевшая от нее даже побои», «смиренная и пугливая» (6; 51, 52), в подготовительных материалах о ее смирении говорит также Настасья (7, 71). Третий персонаж, к которому относится эта характеристика, — Соня Мармеладова, в своем «расфранченном» наряде проститутки «смирненно» ожидающая «своей очереди проститься с умирающим отцом» (6, 145). В записях к роману был намечен также эпизод встречи Раскольникова с Соней на панихиде по Мармеладову, где она названа «смиренной», — правда, под впечатлением от этой встречи Раскольников вовсе не проникается «смирением», напротив — им овладевает «бесовская гордость» (7, 147). В рукописях к роману отмечено такое же свойство характера «хозяйкиной дочери», которая «такая приниженная, смиренная, об монастыре мечтала и залилась раз слезами, когда мне об этом рассказывала» (7, 175). К названным персонажам можно прибавить еще одно лицо — арестанта, о котором рассказывает Порфирий Петрович: для того, чтобы принять страдание, «пострадать», он вышел из обычного для него состояния «смирения» и бросил в начальника кирпич (6, 348).

Раскольников же (что многократно зафиксировано в тексте «Преступления и наказания» и в рукописях к роману) отказывается «жить как все»,

ненавидит «рутину», презирает представителей «золотой середины», пугается перспективы наезженной жизненной колеи, говоря: «Не хочу. Мастера жизни не так делали. Они весь свет переворачивали. Они сотнями тысяч как по шахматной доске ходили! Отчего ж они не колебались? Оттого, что были сильны...» (7, 144). Обратим особое внимание на отрицание «не хочу», совпадающее с частью исследуемой фразы, в данном случае выделенное точкой и образовавшее предложение, со всей очевидностью параллельное тому же значению и словесной форме в исследуемой фразе.

Дискуссия о принципиально несмирительном характере Раскольниковых занимает значительную часть диалогов между ним и Соней Мармеладовой. Оспаривая принципиальное отсутствие какого-либо смирения в характере Раскольниковых, Соня доказывает ему, что можно «быть великим и в смирении» (7, 134). С ее помощью Раскольников начинает бороться со своей гордостью и презрением к «народу», однако никак не может согласиться с пошлостью обыденной жизни, подражанием социальным моделям, в которых он должен следовать по накатанной колее, ведущей к успешной социализации и благосостоянию. После слов: «Он, кажется, вообразил себе, что и он гениальный человек, — то есть был в том некоторое время уверен. Он очень страдал и теперь страдает от мысли, что теорию-то сочинить он умел, а перешагнуть-то, не задумываясь, и не в состоянии, стало быть человек не гениальный» (6, 378) — в журнальной редакции романа следовало: «Он бесится теперь, что вышло не так, что вышло как будто бы подражание» (7, 294). Из всего этого следует, что «подражание народу» — жупел для Раскольниковых. Он отвращен от этой идеи всем строем своей идеологии, замешенной на его исключительности, ведущей либо к «наполеону», либо к «Гасу», но совершенно точно ни в коем случае не к согласию с какой-либо накатанной колеей, более отвечающей добродетелям Лужина, Лебезятникова и других персонажей-пошляков в романе «Преступление и наказание».

Совершенно ясно, что не может существовать возражений против самого феномена многозначности слова или фразы в художественном тексте; метафорика, строй поэтического языка писателя основаны именно на такого рода семантических связях, предполагающих внесение добавочных смыслов в некое базовое словарное значение, актуализацию того или иного аспекта факта или явления (см. об этом: [Женетт: 355]). Однако в случаях, когда возникают несколько значений, противоречащих не только друг другу в пределах одного слова или одной фразы, но и основному смыслу того концепта, который хорошо понятен по множеству иных описаний и дефиниций в том же тексте, нужно попытаться осознать возможность ошибки в прочтении. Пример такого рода обнаруживается в подготовительных материалах к роману «Преступление и наказание», где многозначность фразы оказалась порожденной простым отсутствием необходимости в расстановке знаков препинания в тексте, который писался наскоро, эллиптически, на уровне мнемонической записи, понятной в рамках автокоммуникации в самом сжатом и сокращенном виде. Подобного рода неясности

могут возникнуть как следствие экономии времени и усилий при записи скорописного черновика, однако при подготовке печатного воспроизведения нас безусловно должна интересовать не только внешняя форма записи, но и смысл, вкладываемый в нее автором. В данном случае он соответствует общей доминанте «гордости» в характере Родиона Раскольникова, выраженной в формулировке «не хочу» (7, 144). Таким образом, смысловое значение фразы, в том виде, в каком она формировалась в сознании писателя как описание мотива поведения Раскольникова, видимо, колебалось между двумя вариантами: «Гнусно / подражать народу не хочу» и «Гнусно подражать народу / не хочу», где знаком «/» помечено место, где должна находиться запятая, точка или точка с запятой.**

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 7. С. 158. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.
- ² Указано В. Н. Захаровым.
- ³ Краткий обзор литературы по теме см.: [Южанникова: 4–6].
- ⁴ «...когда семантическая двуплановость характеризует понимание сообщения одним и тем же субъектом» [Киклевич: 44].
- ⁵ Чехов А. П. Письмо Хлопову Н. А. от 13 февраля 1888 г. // Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 200. Современники подтверждают: «...да вообще вряд ли какой-нибудь русский писатель вполне владеет знаками препинания. Ну, да у них там в редакциях есть такие люди, которые заведуют этою стороною» [Луканина: 45].
- ⁶ См. об этом: [Абакумов: 7], [Валгина: 155].
- ⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. С. 174.
- ⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. С. 162, 671.
- ⁹ Пушкин А. С. Кавказский пленник // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 4. Поэмы, 1817–1824. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 91, 114.
- ¹⁰ Следует отметить, что Достоевский достаточно внимательно относился к своей корректуре, начиная с первого романа «Бедные люди» и кончая «Братьями Карамазовыми» (281; 114, 155), (282; 101, 108), (291; 285, 308, 316 и др.), но это правило, разумеется, не распространялось на его черновые записи, выполненные, в большинстве случаев, достаточно небрежно.

** Публикуя статью К. А. Баршта, редакция журнала тем не менее отмечает, что, с нашей точки зрения, предлагаемые исследователем знаки пунктуации излишни:

*Гнусно подражать народу не хочу.
Все-таки нѣтъ смиренія, борьба съ гордостію.*

Текст ясен и без дополнительной пунктуации: не хочу гнусно подражать народу. А подражать «негнусно» герою мешают отсутствие смирения, гордость (или «борьба с гордостью»). — *Ред.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумов С. И. Методика пунктуации. — М.: УЧПЕДГИЗ, 1954. — 120 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Эдиториал УРСС, 2004. — 576 с.
3. Баршт К. А. Рисунки и каллиграфия Ф. М. Достоевского. От изображения к слову. — Бергамо: Lemma-Press, 2016. — 452 с.
4. Бонди С. М. О чтении рукописей Пушкина // Бонди С. М. Черновики Пушкина: Статьи 1930—1970 гг. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 1978. — С. 143–190.
5. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. — М.: Высшая школа, 2004. — 259 с.
6. Вацуро В. Э. Еще раз об академическом издании Пушкина (Разбор критических замечаний проф. Вернера Лефельдта) // Новое литературное обозрение. — 1999. — № 3 (37). — С. 253–266.
7. Выготский Л. С. Мысль и слово // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. / гл. ред. А. В. Запорожец. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 2. — 504 с.
8. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — Т. 1. — 470 с.
9. Киклевич А. Парасемия // Русская речь. — 2008. — № 1. — С. 43–45.
10. Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). — СПб.: Алетейя, 2001. — 758 с.
11. Луканина А. Н.] Мое знакомство с Тургеневым // Северный вестник. — 1887. — № 2. — С. 38–59.
12. Москвин В. П. Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). — Волгоград: Учитель, 2004. — 198 с.
13. Перцов Н. В., Пильщиков И. А. О лингвистических аспектах текстологии // Вопросы языкознания. — 2011. — № 5. — С. 3–30.
14. Пильщиков И. А. Порядок полемики (О фантоме «новой текстологической программы») // Вопросы литературы. — 2004. — № 5. — С. 324–341.
15. Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. Выпуск 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы»: монография / В. Н. Захаров, М. В. Заваркина, Т. А. Радченко, А. И. Солопова, Н. А. Тарасова; отв. ред. В. Н. Захаров. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. — 198 с.
16. Рейсер С. А. Основы текстологии. — Изд. 2-е. — Л.: Просвещение, 1978. — 176 с.
17. Томашевский Б. В. Десятая глава «Евгения Онегина» // Литературное наследство. — М.: Журнально-газетное объединение, 1934. — Т. 16–18. — С. 379–420.
18. Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. — Изд. 2-е. — М.: Искусство, 1959. — 278 с.
19. Шапир М. И. Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. — М.: Языки русской культуры, 2000. — Кн. 1. — VIII, 536 с. (Philologica russica et speculativa; т. I)
20. Шапир М. И. Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Московский пушкинист: ежегодный сборник. — М.: Наследие, 2001. — [Вып.] IX. — С. 45–58.
21. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 398 с.
22. Шапиро А. Б. Упорядоченное русское правописание. — М.: Изд-во МГУ, 1956. — 38 с.
23. Южанникова М. А. Феномен двусмысленности как основание стилистических приемов в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. — Красноярск, 2015. — 208 с.

Дата поступления в редакцию: 10.05.2018

Konstantin A. Barsht

*Doctor of Philology, Professor,
Leading Researcher of the Institute of
Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(Russian Federation, St. Petersburg)*
konstantin_barsht@pushdom.ru

**“ABOMINABLY I DON’T WANT TO MIMIC PEOPLE”.
ABOUT ONE AMBIGUOUS PHRASE
FROM PREPARATORY MATERIALS TO THE NOVEL BY
F. M. DOSTOEVSKY “CRIME AND PUNISHMENT”**

Abstract. The article analyzes the phrase from the preparatory materials to F. M. Dostoevsky’s novel “Crime and Punishment” published in the seventh volume of his Complete Works in 30 volumes, uttered by the main character of the novel Rodyon Raskolnikov: “Abominably I don’t want to mimic people”. To prove the thesis that reproduced as it is the phrase ideologically contradicts all other Dostoevsky’s texts, including the final version of the novel, we rely on a number of theories that consider text ambiguity in linguistic and literary aspects. We demonstrate that the draft phrase is of a different textual nature than the printed text of the novel. It could have contained omitted punctuation marks, letters or words; these possible omissions are not misspellings but constitute a natural element of the autocommunication format chosen by the writer, that is a fast recording of artistic ideas in a reduced mnemonic form. We arrive at the conclusion that this phrase is wrongly presented in the above mentioned edition and assert that it should be read either as: “It is abominable / I don’t want to mimic people” or “It is abominable to mimic people, I don’t want this”. Hence the mark “/” designating the place where there should be a comma, a full-stop or a semicolon in the printed edition.

Keywords: F. M. Dostoevsky, preparatory materials to “Crime and Punishment”, ambiguity, textual properties of a draft note, mnemonic record, autocommunication

REFERENCES

1. Abakumov S. I. *Metodika punktuatsii [Punctuation Techniques]*. Moscow, UCHPEDGIZ Publ., 1954. 120 p. (In Russ.)
2. Akhmanova O. S. *Slovar’ lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]*. Moscow, Editorial URSS, 2004. 576 p. (In Russ.)
3. Barsht K. A. *Risunki i kalligrafiya F. M. Dostoevskogo. Ot izobrazheniya k slovu [Drawings and Calligraphic Writing of F. M. Dostoevsky. From the Image to the Word]*. Bergamo, Lemma-Press Publ., 2016. 452 p. (In Russ.)
4. Bondi S. M. *About Reading of Pushkin’s Manuscripts. In: Bondi S. M. Chernoviki Pushkina: Stat’i 1930–1970 godov [Pushkin’s Draft Copies: Articles, 1930–1970]*. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1978, pp. 143–190. (In Russ.)
5. Valgina N. S. *Aktual’nyye problemy sovremennoy russkoy punktuatsii [Current Problems of the Modern Russian Punctuation]*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 259 p. (In Russ.)
6. Vatsuro V. E. *Once Again About the Academic Publication of Pushkin’s writings (Analysis of Critical Remarks of the Prof. Verner Lefeldt). In: Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]*, 1999, no. 3 (37), pp. 253–266. (In Russ.)

7. Vygotskiy L. S. The Thought and the Word. In: *Vygotskiy L. S. Sobraniye sochineniy: v 6 tomakh* [*The Collected Works: in 6 Vols*]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982, vol. 2. 504 p. (In Russ.)
8. Zhenett Zh. *Figury: v 2 tomakh* [*Figures: in 2 Vols*]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh Publ., 1998, vol. 1. 470 p. (In Russ.)
9. Kiklevich A. Parasemiya. In: *Russkaya rech'*, 2008, no. 1, pp. 43–45. (In Russ.)
10. Likhachev D. S. *Tekstologiya (na materiale russkoy literatury X–XVII vekov)* [*Textual Criticism (On Material of Russian Literature of the 10th–17th Centuries)*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 758 p. (In Russ.)
11. Lukanina A. N. My Acquaintance with Turgenev. In: *Severnnyy vestnik*, 1887, no. 2, pp. 38–59. (In Russ.)
12. Moskvina V. P. *Stilistika russkogo yazyka: Priyemy i sredstva vyrazitel'noy i obraznoy rechi (obshchaya klassifikatsiya)* [Stylistics of the Russian Language: Methods and Tools of an Expressive and Figurative Speech (General Classification)]. Volgograd, Uchitel' Publ., 2004. 198 p. (In Russ.)
13. Pertsov N. V., Pil'shchikov I. A. On the Linguistic Aspects of Textual Criticism. In: *Voprosy yazykoznaniiya*, 2011, no. 5, pp. 3–30. (In Russ.)
14. Pilshchikov I. A. The Method of Polemics (About the Phantom of “the New Textual Program”). In: *Voprosy literatury*, 2004, no. 5, pp. 324–341. (In Russ.)
15. Zakharov V. N., Zavarkina M. V., Radchenko T. A., Solopova A. I., Tarasova N. A. *Problemy tekstologii F. M. Dostoyevskogo. Vypusk 1: Problemy tekstologii romanov «Prestupleniye i Nakazaniye», «Idiot», «Besy»: monografiya* [*The Problems of Textual Criticism by F. M. Dostoevsky. Issue 1: The Problems of Textual Criticism of the Novels “Crime and Punishment”, “Idiot”, “Demons”: Monograph*]. Petrozavodsk: PetrSU Publ., 2009. 198 p. (In Russ.)
16. Reyser S. A. *Osnovy tekstologii* [*The Fundamentals of Textual Criticism*]. Leningrad, Prosveshcheniye Publ., 1978. 176 p. (In Russ.)
17. Tomashevskiy B. V. Chapter 10th of “Eugene Onegin”. In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1934, pp. 379–420. (In Russ.)
18. Tomashevskiy B. V. Pisatel' i kniga. Ocherk tekstologii [A Writer and a Book. A Sketch on Textual Criticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1959. 278 p. (In Russ.)
19. Shapir M. I. *Universum versus: Yazyk — stikh — smysl v russkoy poezii XVIII–XX vekov* [*Universum versus: a Language — Verses — Sense in Russian Poetry of the 18th–20th Centuries*]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000, book 1. 536 p. (Philologica russica et speculativa; vol. 1). (In Russ.)
20. Shapir M. I. About the Spelling Mode in Academic Publications of Pushkin's Writings. In: *Moskovskiy Pushkinist*. Moscow, Naslediye Publ., 2001, issue 9, pp. 45–58. (In Russ.)
21. Shapiro A. B. *Osnovy russkoy punktuatsii* [*The Bases of Russian Punctuation*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. 398 p. (In Russ.)
22. Shapiro A. B. *Uporyadochennoye russkoye pravopisaniye* [*The Well-Ordered Russian Spelling*]. Moscow, MSU Publ., 1956. 38 p. (In Russ.)
23. Yuzhannikova M. A. *Fenomen dvusmyslennosti kak osnovaniye stilisticheskikh priyemov v sovremennom russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [*An Ambiguity Phenomenon as the Basis of Stylistic Receptions in the Modern Russian Language. PhD. philol. sci. diss.*]. Krasnoyarsk, 2015. 208 p. (In Russ.)

Received: May 10, 2018

Елена Дмитриевна Трухан

*заместитель директора по научной работе
МАУК «Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского»
(Новокузнецк, Российская Федерация)*

dostoevski_nvz@mail.ru

КУЗНЕЦКИЙ ПОЧТМЕЙСТЕР, КОТОРОГО ДОСТОЕВСКИЙ ВЫБРАНИЛ «ФОРМАЛИСТОМ»*

Аннотация. Статья посвящена Кузнецкой почтовой конторе и ее руководителю — почтмейстеру П. Ф. Байгашеву (Байгишеву), которого Ф. М. Достоевский в письме к А. Е. Врангелю от 23 августа 1855 г. назвал «формалистом». Автор выявила неизвестные ранее факты об этом чиновнике, его семье и знакомых, наградах, продвижении по карьерной лестнице. Данная научно-исследовательская работа сочетает в себе биографические данные о конкретном почтовом должностном лице, исторические сведения из жизни Почтового департамента, а также повседневные детали Кузнецкой почтовой конторы и города Кузнецка Томской губернии в целом. Некоторые имена кузнецких почтовиков и архивные документы вводятся в научный оборот впервые. Исследование проведено на основе изучения документальных источников Государственного архива Томской области (метрических книг, отчетов городских начальников, циркуляров, деловых писем, ведомостей, списков и пр.) и сборников статистических сведений середины — конца XIX в., хранящихся в библиотечных фондах Томска и Москвы.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Кузнецк, XIX в., биография, почтмейстер, Петр Филиппович Байгашев, Петр Филиппович Байгишев, Кузнецкая почтовая контора

Значение почты в XIX веке было очень велико: до появления современных средств связи она являлась, пожалуй, единственным способом передачи информации на расстоянии. Сначала почта «служила исключительно правительственным целям», но постепенно стала достоянием и частных лиц [МВД: 1–8].

В жизни Достоевского, особенно в период его ссылки, когда писатель как политический преступник находился под надзором, своевременная отправка и получение почтовых сообщений были синонимом скорейшего решения его жизненных проблем, возвращения из Сибири в Россию и второго вхождения в литературную среду. В связи с этим фигуры почтовых служащих, в частности — почтмейстера, приобретают значительную роль.

Одна из таких фигур — почтмейстер города Кузнецка Томской губернии, названный Ф. М. Достоевским «формалистом» в письме от 23 августа 1855 г. к А. Е. Врангелю, другу писателя в Сибири, адвокату, стряпчему по уголовным и гражданским делам в Семипалатинске. Данное письмо было создано писателем спустя 21 день после смерти Александра Ивановича Исаева, первого мужа Марии Дмитриевны, будущей жены Достоевского, и кратко очерчивает то тяжелое положение, в котором оказалась вдова: «...осталась одна, с сомнительною помощью, в отчаянии, не зная, что делать, и — конечно, без денег»¹.

Здесь же в первый и единственный раз во всем эпистолярном наследии литератора упоминается Кузнецкая почтовая контора и ее непосредственный руководитель:

«Еще одно обстоятельство. Она знает, что ей присланы деньги, подозревает, что от меня, но письмо лежит до сих пор на кузнецкой почте. Почтмейстер ни за что не решается отдать, хотя знакомый ей человек, чтоб не попасть в беду. Виноват адрес. Вы правы. Надо было адресовать ей. Адресовано мужу. Он умер. И потому почтмейстер (уверенный, что пишете Вы) просит передать Вам: *чтоб Вы в Кузнецкую почтовую контору прислали казенную или частную доверенность на передачу письма вдове Исаевой*. Ради Христа, добрейший Александр Егорович, сделайте это и, главное, не медля. Ради Бога. Известна ли Вам форма этих доверенностей? Я не знаю ее. Вероятно, в Барнаульском почтамте есть формы. Ведь вот некстати-то формалист кузнецкий почтмейстер!» (195).

Небольшой фрагмент письма дает повод для размышлений над литературно-краеведческими вопросами: как звали кузнецкого почтмейстера, которого писатель назвал «формалистом» и тем самым вписал его в летопись своих кузнецких дней? Что известно о нем? Какой была во времена Достоевского Кузнецкая почтовая контора?

В исследовании, проведенном нами в 2014–2018 гг., мы опирались на материалы двух фондов Государственного архива Томской области (ГАТО), связанных с работой Почтового департамента Министерства внутренних дел в XIX в.: «Управление Томского почтово-телеграфного округа, г. Томск (1885–1919)» (фонд 218) и «Томская почтово-телеграфная контора, г. Томск (1830–1919)» (фонд 219). Причем в этих двух фондах были просмотрены архивные материалы не только периода пребывания Достоевского в Кузнецке

(1850-е гг.), но и документы 1830–1840-х и 1860–1880-х гг.: циркуляры Главного управления почт и телеграфов о правилах пересылки внутренней и международной корреспонденции, годовые отчеты управления округа, сведения о движении почтовой корреспонденции, циркуляры управления Тобольского почтового округа, переписка управления с почтовыми конторами и др. Некоторые данные для продвижения исследования были получены в фонде «Дирекция училищ Томской губернии, г. Томск (1804–1900)» (фонд 99). Кроме того, в данной работе были использованы сборники статистических сведений, годовые отчеты города Кузнецка Томской губернии (ф. 3) и — частично — информация из метрических книг Одигитриевской церкви и Спасо-Преображенского собора (ф. 170) за интересующий нас период.

Это позволило установить особенности функционирования почтовой службы в Томской губернии, в частности — Кузнецкой почтовой конторы, ввести в оборот новые документы, связанные с пребыванием Достоевского в Кузнецке. Краткие результаты исследования были представлены в нашем докладе на I Международной научно-практической конференции «Творчество Ф. М. Достоевского и современный культурный процесс», посвященной празднованию 400-летия основания г. Новокузнецка Кемеровской области (20–21 сентября 2017 г.). Данная публикация уточняет и дополняет эти результаты.

Кузнецкая почтовая контора

Почтовая служба во времена Достоевского была гражданским ведомством. Главным руководящим органом структуры являлся Почтовый департамент, появившийся в 1811 г. путем преобразования Главного почтового управления и расположенный в Санкт-Петербурге. На протяжении XIX в. Почтовый департамент (с 1865 г. — Министерство почт и телеграфов, с 1884 г. — Главное управление почт и телеграфов) существовал то в составе Министерства внутренних дел (1802–1819), (1868–1880), (с 1881 г.), то в составе Министерства духовных дел и народного просвещения (1819), то в качестве самостоятельного министерства [МВД: 4–8].

Почтовая служба имела четкую иерархию, особую форменную одежду и знаки отличия². Ее работа регламентировалась специальными законами. В период правления Николая I (1825–1855) было принято «Положение об устройстве почтовой части», понижена и упрощена такса весового сбора, введены новые система содержания почтовых станций и способы перевозки почты. При Александре II (1855–1881) в 1857 г. появился «Почтовый устав». Наряду с этим почтовые конторы руководствовались многочисленными строгими циркулярами, правилами, предписаниями³, осуществляли периодическую отчетность по утвержденным формам, зорко следили за выполнением денежного плана и т. д.

Почтовому департаменту подчинялись губернские почтовые конторы, в составе которых числились и почтовые станции.

В 1830 г. вся территория России по ведомству была разделена на «11 почтовых округов, во главе которых поставлены окружные почт-инспекторы» [МВД: 4]. К 1853 году их число выросло до 13 [МВД: 6].

Как отметил В. А. Морев, «в соответствии с новой структурой губернский город Тобольск, где ранее находился бывший Сибирский почтамт, стал центром XI почтового округа, сохранив статус “почтовой столицы Сибири”. Почтовые службы двух западносибирских губерний — Тобольской и Томской — сравнивались в статусах» [Морев: 95]. Но томские почтовики по-прежнему находились в подчинении Тобольска, теперь уже у почт-инспектора XI округа.

Губернские и областные конторы с 1830-х гг. структурировались по трем классам, уездные — по четырем, пограничные — по двум. Во главе контор были поставлены почтмейстеры.

Томской губернской почтовой конторе присвоили второй класс. Из «Росписи расходам в почтовых местах по Томской губернии на 1842 год»⁴, можно узнать, что в ее подчинении в это время находилось 8 уездных почтовых контор разных классов:

- Барнаульская (первый);
- Каинская и Семипалатинская (второй);
- Кузнецкая, Усть-Каменогорская, Колыванская, Змеиногорская, Бийская (третий).

Кроме того, в составе Томской губернской почтовой конторы в 1842 г. числились 3 почтовых отделения (Нарымское, Бухтарминское и Ямышевское), а также 19 почтовых станций (такое количество было установлено автором данной статьи, исходя из архивных записей общей суммы денежных средств, выделенных на каждого станционного смотрителя, с учетом того, что один смотритель возглавляет одну станцию).

Несмотря на то, что дела Томской губернской почтовой конторы пестрят различными инцидентами, происходившими в подчиненных ей структурах, обращениями почтмейстеров и ответами на них, Кузнецкая почта в документах ГАТО мало где фигурирует. Создается впечатление, что там ничего особенного не происходило, мало что изменялось. Возможное объяснение этому факту в свое время дал известный историк и этнограф Николай Костров в историко-статистическом очерке «Город Кузнецк» (1879). Он писал, что город «составляет особую местность, к нему не примыкают никакие селения и слободы», что он «лежит далеко в стороне от большого сибирского тракта» [Костров: 24, 25]. Иными словами, поток корреспонденции, который проходил через Кузнецкую почтовую контору 3 класса, был несущественным, а значит, и количество происшествий в ней — минимальным.

Тем не менее Кузнецкая почтовая контора, несмотря на ее низкий класс и незначительный оборот писем и пост-пакетов, играла важную роль в жизни города. Об этом свидетельствует краткая информация, размещенная в приложении к изданию Центрального статистического комитета Мини-

стерства внутренних дел «Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года». В перечне наиболее значимых объектов окружного города Кузнецка, наряду с тремя православными церквями и двумя часовнями, мужским уездным и приходским училищами, женским приходским училищем, больницей, острогом, шестью заводами и шестью кузницами, значится почтовая станция⁵.

Качество работы почтовиков всего Кузнецкого уезда оценил в своих отчетах, адресованных «Господину Управляющему Томской губернией», исправник **Иван Миронович Катанаев**, известный тем, что в 1857 г. на венчании Достоевских был «поручителем по невесте». В документе «Сведение. К отчету за 1850 год за Кузнецкой округ», в разделе «Состояние почтосодержателей», Катанаев дает общую характеристику деятельности почтарей и указывает на особенности зданий, занимаемых ими:

«Почтосодержатели Кузнецкаго округа обязанности свои отправляли исправно и неблагонадёжных не предвидится. Почтовых домовъ, завѣденныхъ отъ Правительства, нѣтъ и въ постройкѣ не было»⁶.

А в другом рукописном документе «Сведение. К отчету за 1853 год за Кузнецкой округ», в разделе «Почты», кузнецкий исправник вновь слово в слово повторяет свою предыдущую оценку, добавляя лишь небольшой штрих к образу почтовой службы Кузнецкого округа в середине XIX в.: «Почтовыхъ станцій 4, на нихъ содѣржится 16 лошадей»⁷.

Сохранились некоторые сведения и о будничной работе почтовой станции в Кузнецке. Так, в ответ на запрос № 14 Почтового департамента от 19 мая 1864 г. о предоставлении «самого верного списка» подведомственных почтовых мест и станций, где «учреждены прием и выдача всякого рода или одной простой корреспонденции»⁸, Томская губернская почтовая контора за № 1522 от 10 июня 1864 г. сообщает, что Кузнецкая почтовая контора 3 класса не имеет почтовых отделений, не производит прием и выдачу всякого рода корреспонденции на станциях, но осуществляет на станции Белоглазовской прием и выдачу простой корреспонденции⁹.

На содержание служащих почтовых контор и производственных помещений, а также на канцелярские расходы во времена Достоевского выделялись довольно скромные деньги. Например, интересующая нас Кузнецкая контора 3 класса могла рассчитывать в 1842 г. на 236 рублей 79 копеек серебром в год «на жалованье штатное за произведенными узаконенными вычетами»¹⁰. «На содержание домов и канцелярский расход» по штату ей отпускался 351 рубль 4 копейки серебром¹¹. Для сравнения: по данным 1831 г., на содержание почтового дома в Кузнецке и канцелярские расходы выделялось 400 рублей в год¹².

Судя по документу под названием «Расписание суммам, ассигнованным на расходы Томской губернской почтовой конторе и подведомственным ей

местам в 1831 году», в уездных почтовых конторах разных классов по штату могли трудиться: почтмейстер, помощник почтмейстера, сортировщик, почтальоны, станционные смотрители. Но если Барнаульская почтовая контора 1 класса имела в своем штатном составе все перечисленные должности, то Кузнецкая располагала лишь почтмейстером и почтальонами¹³.

Плата за труд у почтовых служащих в конторе 3 класса была небольшой: кузнецкий почтмейстер, например, в 1831 г. получал 600 рублей в год, а подчиненный ему почтальон — всего 120. «Жалованье по особым указам производимое» почтовикам Кузнецка не причиталось¹⁴. Для сравнения: почтмейстер Томской губернской почтовой конторы получал 1500 рублей в год, к тому же на основании Высочайшего Указа от 14 марта 1825 г. ему полагалась прибавка в размере 500 рублей¹⁵. Что касается почтальона окружной конторы 3 класса, то при крайне неблагоприятных условиях труда, угрозах взысканий и материальной ответственности, его зарплата оставалась одной из самых низких в стране. Размер его жалованья сравнивался в то время с доходами младших чинов государственных служащих, санитаров, земских учителей младших классов, помощников аптекарей, библиотекарей.

В фондах Государственного архива Томской области сохранились имена некоторых почтовых служащих города Кузнецка, пребывавших на этом поприще в 40–50-х гг. XIX в. Среди них:

— почтальон Егоров (имя его не упоминается), беспорочно «выслуживший узаконенные 25 лет» в 1842 г. и отправившийся на пенсию с 1 января 1843 г.¹⁶;

— 43-летний отставной почтальон Федор Мартемьянович Вавилов, фигурирующий в метрической книге Спасо-Преображенского собора за 1860 г., в части третьей «Об умерших». Из записи становится ясно, что причина его смерти — «от угара» — повлекла разбирательства полиции¹⁷;

— почтмейстер Петр Иванович Короваев, о котором известно, что с 7 января 1841 г. по Указу Правительствующего Сената № 1366 от 10 февраля 1842 г. он был произведен в новый чин со старшинством — из коллежских регистраторов в губернские секретари¹⁸;

— молодой, только начинающий свою карьеру, почтальон Михаил Федорович Полозов, некоторые штрихи биографии которого зафиксированы в метрических книгах Спасо-Преображенского собора¹⁹;

— почтальон Ярослав Поплавский, отслуживший к 1859 г. 5-летний срок в Сибири, через руки которого, скорее всего, проходили письма Достоевского к Марии Дмитриевне Исаевой²⁰;

— почтмейстер Петр Филиппович Байгашев²¹ (вариант написания — Байгишев). Бытование двух вариантов фамилии свидетельствует о том, что ударение в ней ставилось на первый слог. Судя по архивным и книжным источникам²², это и был тот самый чиновник, которого Достоевский назвал в письме к Врангелю «формалистом».

К сожалению, ни одного формулярного списка, ни одного посемейного списка почтовых служащих из Кузнецка в Томском архиве обнаружено не было. В других документах остались лишь упоминания об этих источниках и предложения «хранить их при делах конторы»²³.

Судьба Кузнецкой почтовой конторы была незавидной. В 1870-е гг. она оказалась низведена до почтового отделения. Как видно из информации в ежегодных статистических изданиях, ответственным лицом там остался приемщик, а должность почтмейстера была упразднена²⁴.

Кузнецкий почтмейстер

Определить имя кузнецкого почтмейстера-«формалиста» помогли не документы Томского архива, а анализ ежегодных выпусков адрес-календарей, представляющих общий штат Российской империи, за 1843–1881 гг.

В адрес-календаре за 1855 г. читаем информацию по XI округу. В подразделе «Почтмейстеры уездные» между почтмейстером из Колывани коллежским асессором Константином Антоновичем Фон-Газенкампом и его коллегой из Кургана коллежским регистратором Петром Павловичем Ловцовым находится интересующая нас информация: «<в> Кузнецке: КСк. (то есть коллежский секретарь. — Е. Т.) Петр Филип<пович> **БАЙГАШЕВ**»²⁵.

Следует сказать, что начальником Сибирского округа в 1855 г. служил коллежский секретарь Федор Устинович Околов-Кулак, руководивший делами округа из Тобольска, а его помощником в Томске выступал коллежский секретарь Сергей Петрович Соколов. Губернским почтмейстером в Томске, то есть непосредственным начальником П. Ф. Байгашева, был коллежский секретарь Сильвестр Сергеевич Добровольский²⁶.

Фамилия кузнецкого уездного почтмейстера губернского секретаря П. Ф. Байгишева впервые появляется в списках адрес-календарей в 1849 г.²⁷ В это время он имел один из низших чинов по «Табели о рангах» — чин 12 класса. Возможно, в то время он был совсем молодым, не так давно начавшим свою службу.

Уточнить эту информацию позволяют сведения из метрической книги Спасо-Преображенского собора города Кузнецка за 1848 г.:

«Счет родившихся женского пола: 23 (с начала каждого года считали отдельно количество появившихся на свет младенцев женского и мужского полов. — Е. Т.).

Месяц и день рождения: 30 марта.

Месяц и день крещения: 4 апреля.

Имя родившегося: Александра.

Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания: *Кузнецкий почтмейстер губернский секретарь Пётр Филиппов Байгишев и законная жена его Александра Андреева, оба православные.*

Звание, имя, отчество и фамилия приемников (то есть крестных отца и матери. — Е. Т.): *Кузнецкий окружный стряпчий коллежский секретарь Павелъ Петровъ Шавринъ и 3-ей гильдии купца Варфоломея Васильева Шебалина жена Римма Мефодіева.*

Кто совершал таинство крещения: *священникъ Елфимій Закоурцевъ съ дьячкомъ Хрисанфомъ Тюшевымъ.*

На подлинной подписали: *священникъ Елфимій Закоурцевъ, дьячокъ Хрисанфъ Тюшевъ»*²⁸.

Из документа становится ясно, что кузнецким почтмейстером П. Ф. Байгашев стал раньше, чем предполагалось (в апреле 1848 г. он уже исполняет эту должность); что и почтмейстер, и его супруга Александра Андреевна были православного вероисповедания и являлись прихожанами Спасо-Преображенского собора. Семья кузнецкого почтмейстера водила знакомство с равными себе по достатку — представителями среднего класса: с окружным стряпчим, дослужившимся по «Табели о рангах» пока до 10-го класса, а также с кузнецкими торговцами, объявленный капитал которых был не слишком велик (для купцов третьей гильдии он составлял 500 рублей, в то время как предельный минимум для купцов второй гильдии составлял одну тысячу рублей, а первой — десять тысяч. — Е. Т.)²⁹.

В 1853 г. П. Ф. Байгашев получает чин коллежского секретаря, то есть входит в разряд чиновников 10-го класса³⁰, а к 1857 г. становится титулярным советником (9-й класс)³¹.

В этом статусе он задержался недолго, несмотря на то, что многих его коллег не спешили одаривать следующим чином, дающим право на потомственное дворянство посредством службы. 16 декабря 1859 г. в разъяснительном документе Почтового департамента, направленном в Томскую губернскую почтовую контору, Байгашев уже именуется коллежским асессором³². В этом же чине, согласно сведениям, размещенным в «Памятной книжке лицам, служащим по разным ведомствам в Томской губернии», он остается и в 1866 г.³³ Еще через 5 лет, в «Памятной книжке Томской губернии на 1871 год», Петр Байгашев продолжает фигурировать тем же служащим 8-го класса³⁴, имеющим по закону Российской империи того времени личное дворянское звание³⁵.

Стоит отметить, что в 1871 г. имя почтмейстера П. Ф. Байгашева упоминается в адрес-календарях государственных служащих Российской империи, а также и в «Памятных книжках Томской губернии» в последний раз³⁶. Можно сделать вывод, что кузнецкий почтмейстер после 1871 г. покидает службу³⁷.

Бесспорно, самыми полными документами, дающими представление о личности кузнецкого почтмейстера-«формалиста», его профессиональных качествах и семейном положении, являются формулярные списки³⁸, но в ГАТО они не были обнаружены. В то же время в фонде Почтового ведомства

того периода сохранилось несколько документов, имеющих отношение к П. Ф. Байгашеву.

Первый, о котором уже упоминалось, — это официальное письмо от 16 декабря 1859 г. за № 16608³⁹. Оно представляет собой ответ-разъяснение Томской губернской почтовой конторе по поводу регламента получения разрешения на 7-дневный отпуск в Томск кузнецкого почтмейстера П. Ф. Байгашева.

Согласно второму документу (от 20 марта 1859 г. за № 49) титулярного советника почтмейстера Байгашева, одного из двадцати служащих Почтового ведомства Томской губернии, в память минувшей Крымской войны (1853–1856) представили к медали темной бронзы на Владимирской ленте с вручением свидетельства на право ее ношения⁴⁰.

Медаль эта выпускалась в двух вариантах — светло-бронзовом и темно-бронзовом. Медалями из темной бронзы награждались только гражданские лица, в том числе — почтовые чиновники⁴¹ [Деммени: 370–375].

Медаль из темной бронзы выдавали потомственным дворянам с целью сохранения истории о войне, чтобы не забывали о подвигах своих предков. После смерти награжденных медали переходили к потомкам, но без права ношения.

Такие медали в конце 1850-х гг. выдавались уже всем воинским чинам: не важно, участвовали они в военных действиях или нет. Поэтому получение почтмейстером П. Ф. Байгашевым медали на Владимирской ленте можно расценивать как его поощрение за беспорочную службу, не более.

Третий и четвертый документы, касающиеся П. Ф. Байгашева, были найдены в фонде, посвященном организации образования в Томской губернии. Это «Ведомость об успехах и поведении учеников Кузнецкого уездного училища за первую треть 1858–59 года»⁴² и «Ведомость об успехах и поведении учеников Кузнецкого приходского училища за первую половину академического 1857–58 года»⁴³. В эти ведомости оказались вписаны два ученика с фамилией Байгашев — Павел и Дмитрий. Причем в графе о происхождении напротив их фамилий значится: «из чиновников». Принимая во внимание редкость⁴⁴ фамилии⁴⁵, можно предположить, что эти дети были сыновьями Петра Байгашева и, соответственно, родными братьями старшей его дочери Александры. Напомню, что в своем письме к Врангелю Достоевский указывал на личное знакомство Марии Дмитриевны с кузнецким почтмейстером. Вполне вероятно, оно могло состояться и через детей: в 1855 г. Павлу Исаеву и Александре Байгашевой было по 7 лет, Павлу Байгашеву — 5 лет, Дмитрию Байгашеву — 4 года. Впрочем, расставить все точки над *i* в этом вопросе может только детальное знакомство с формулярным списком кузнецкого почтового служащего и метрическими книгами церковей города Кузнецка⁴⁶.

В письме к А. Е. Врангелю от 14 июля 1856 г., беспокоясь о судьбе Марии Дмитриевны, Достоевский характеризовал своего соперника Вергунова так: «...у него нет денег, определенного в будущности и вечный Кузнецк» (236). Образ почтмейстера-«формалиста» является одним из неотъемлемых элементов городской архитектоники «вечного Кузнецка» — Кузнецка Достоевского 1855–1857 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Автор статьи искренне признателен редакции журнала «Неизвестный Достоевский» за важные редакторские замечания, корректировку некоторых данных и предоставление дополнительной справочной литературы по теме статьи.
- 1 Достоевский Ф. М. Письма 1832–1859 // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 194. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
 - 2 Согласно «Положению о гражданских мундирах», утвержденному 27 февраля 1834 г. Николаем I, за государственными чиновниками Почтового департамента, равно как и за служащими Министерств внутренних дел, финансов, юстиции, а также для заведений императрицы Марии Федоровны штатными расписаниями были закреплены темно-зеленые мундиры (Положение о гражданских мундирах. [СПб., 1834]. § 6). В ГАТО (Ф. 218. Оп. 8. Д. 198. Л. 552, 553, 553 об., 554, 554 об., 555, 555 об.) хранится циркуляр № 13 от 19 мая 1834 г. для общего исполнения «Съ препровождениемъ описанія мундировъ и сертуковъ чиновникамъ и канцелярскимъ служителямъ Почтоваго вѣдомства», где представлено полное описание форменной одежды чиновников и станционных смотрителей, принадлежностей к почтовому мундиру (сапоги, панталоны, жилет, галстук, шляпа, шапки и др.). Приведем его небольшой фрагмент — описание чиновничьего мундира: «Мундиръ Почтоваго вѣдомства темно-зеленаго сукна. Подкладка подъ онимъ темно-зеленаго же цвѣта. Покрой сего мундира однобортный съ девятью на груди пуговицами золочеными, какія досель употреблялись, то есть: съ изображеніемъ Государственнаго герба и подъ онимъ двухъ Почтовыхъ рожковъ. Воротникъ стоячій и обшлага круглые, не разрѣзные, изъ чернаго бархата. Карманные клапаны темно-зелѣные суконные, на обшлагахъ и подъ карманными клапанами имѣть по три, а на каждой фалдѣ мундира по двѣ пуговицы того же чекана, какъ и на груди мундира. Такимъ образомъ, число пуговицъ на мундирѣ будетъ всего двадцать пять. Само собой разумѣется, что пуговицы на мундирѣ должны быть матовыя, какія употребляются на вице-мундирѣ, равно и не выпуклыя, а гладкія <...> Такъ какъ мундиръ означаетъ степень званія и должности, то оный раздѣляется по шитью на десять разрядовъ. Шитьѣ для Почтоваго вѣдомства золотое...» (Описание мундировъ и сертуковъ и прочихъ къ онимъ принадлежностей для чиновниковъ и канцелярскихъ служителей Почтоваго вѣдомства, составленное изъ высочайше конфирмованныхъ въ 27-й день февраля 1834 года положенія о гражданскихъ мундирахъ и рисунковъ онимъ // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 198. Л. 553).
 - 3 См., напр.: Почтовые уставы и свод правительственных распоряжений по почтовому ведомству (1857–1880) / сост. В. И. Корженевский. Житомир, 1880.
 - 4 Роспись расходам в почтовых местах по Томской губернии на 1842 г. // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 286. Л. 12, 12 об., 13.

- 5 Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 60: Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1868. С. 2.
- 6 Сведение. К отчету за 1850 год за Кузнецкой округ // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 523. Л. 805.
- 7 Сведение. К отчету за 1853 год за Кузнецкой округ // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 595. Л. 401.
- 8 Циркуляр Почтового Департамента Томской губернской почтовой конторе (№ 14 от 19 мая 1864 г.) о предоставлении списка подведомственных ей почтовых мест и станций // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 253. Л. 16.
- 9 Письмо Томской губернской почтовой конторы № 1522 от 10 июня 1864 г. — ответ на запрос Почтового Департамента за № 14 от 19 мая 1864 г. со списком о почтовых местах и станциях Томской губернии // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 253. Л. 17, 18, 18 об.
- 10 Роспись расходам в почтовых местах по Томской губернии на 1842 г. // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 286. Л. 12 об.
- 11 Там же.
- 12 Расписание суммам, ассигнованным на расходы Томской губернской почтовой конторе и подведомственным ей местам в 1831 году // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 199. Л. 41а.
- 13 Там же. Л. 41, 41а, 41 об.
- 14 Там же. Л. 41а.
- 15 Там же. Л. 41 об.
- 16 Письмо № 3302 Почтового департамента Томской губернской почтовой конторе от 20 мая 1842 г. о доставлении сведений на почтальона Егорова // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 286. Л. 101; Письмо № 5874 Почтового департамента Томской губернской почтовой конторе от 21 августа 1842 г. (ответ на № 519) о 25-летней выслуге почтальона Егорова // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 286. Л. 125, 125 об.
- 17 Метрическая запись о смерти Ф. М. Вавилова // ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 681. Л. 37 об., 38.
- 18 Список чиновникам, произведенным по Указу правительствующего Сената от 10 февраля 1842 года за № 1366 в следующие чины с показанием данного им старшинства // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 286. Л. 87, 88. Т. В. Панюковой (сотруднику редакции научного журнала «Неизвестный Достоевский») удалось найти более подробные сведения об этом кузнецком чиновнике: Предшественник (не позже 1840–1848 гг.) П. Ф. Байгашева в должности кузнецкого почтмейстера — согласно ежегодным статистическим справочникам «Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи» (Ч. 1; 1840 г. — с. 712, коллежский регистратор (чин 14 кл.); 1841 г. — с. 453; 1842 г. — с. 467; 1843 г. — с. 261, губернский секретарь (чин 12 кл.); 1844 г. — с. 242; 1845 г. — с. 247; 1846 г. — с. 215; 1847 г. — с. 227, коллежский секретарь (чин 10 кл.); 1848 г. — с. 226).
- 19 Приведем фрагмент метрической записи под №18 от 23 января 1846 г. о бракосочетании М. Ф. Полозова: «Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповеданіе жениха, и которымъ бракомъ: *Служащій при Кузнецкой почтовой конторѣ почталіонъ Михайло Федоровъ Полозовъ, первымъ бракомъ, православный. Лѣта жениха: 18. Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповеданіе невѣсты, и которымъ бракомъ: Дъвица Ольга Мефодѣева, дочь вдовы мѣщанки Александры Евстафѣевой Рожковой, православная. Лѣта невѣсты: 18.* (Метрическая запись о бракосочетании М. Ф. Полозова и О. М. Рожковой // ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 272. Л. 56 об., 57). Спустя полтора года в молодой семье Полозовых рождается дочь Юлия, крестным отцом которой становится работавший в то время кузнецким почтмейстером предшественник П. Ф. Байгашева, Петр Иванович Короваев (Метрическая запись о рождении Юлии Полозовой // ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 317. Л. 27 об., 28).

- Этот факт свидетельствует не только о хороших отношениях, складывавшихся между подчиненными и руководителем в Кузнецкой почтовой конторе, но и о безусловном авторитете последнего в среде молодежи. К сожалению, семья почтальона Полозова, как и многие другие семьи города Кузнецка и России, попала в печальную, характерную для того времени статистику: младенец Юлия умерла в 10-месячном возрасте «от родимца» (Метрическая запись о смерти Юлии Полозовой // ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 365. Л. 58 об., 59). К слову сказать, эта же участь позднее постигла и самого Достоевского: Сонечка, дочь писателя от второго брака, тоже умерла, но в 3-месячном возрасте от пневмонии.
- 20 Письмо № 14048 Почтового департамента от 27 октября 1858 г. о документах кузнецкого почтальона Ярослава Поплавского // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 245. Л. 72; Письмо Почтового департамента № 2042 от 12 февраля 1859 г. Томской губернской почтовой конторе о 5-летнем сроке службы в Сибири кузнецкого почтальона Ярослава Поплавского // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 246. Л. 52.
- 21 Независимо от данного исследования фамилия кузнецкого почтмейстера П. Ф. Байгашева была упомянута в книге: Прогулки по старому Кузнецку: очерки по истории города: к 400-летию Новокузнецка / [Лизогуб Петр Петрович, Крюков Евгений Николаевич, Казанцева Ирина Ивановна]; авт. проект И. И. Казанцевой. Новокузнецк: Кузнецкая книга, 2016. 282 с. [Лизогуб, Казанцева, Крюков: 102–103].
- 22 Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1855: в 2 ч. СПб., 1855. Ч. 1. С. 221; Письмо № 149 от 20 марта 1859 г. начальства Сибирского почтового округа Томской губернской почтовой конторе о награждении чиновников темно-бронзовыми медалями в память минувшей Крымской войны // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 246. Л. 111, 111 об., 112, 112 об., 113, 114, 114 об.; Письмо № 16608 от 16 декабря 1859 г. Почтового Департамента Томской губернской почтовой конторе о получении разрешения на 7-дневный отпуск в Томск кузнецкого почтмейстера П. Ф. Байгашева // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 248. Л. 60, 60 об.
- 23 Письмо № 14048 Почтового департамента от 27 октября 1858 г. о документах кузнецкого почтальона Ярослава Поплавского // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 245. Л. 72.
- 24 Адрес-календарь Томской губернии (к 10-му декабря 1883 года). Томск, 1883. С. 26.
- 25 Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1855: в 2 ч. СПб., 1855. Ч. 1. С. 221.
- 26 Там же. С. 220.
- 27 Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1849 год: в 2 ч. СПб., 1849. Ч. 1. С. 213. То же: Адрес-календарь. Общий штат Российской империи, 1850: в 2 ч. СПб., 1850. Ч. 1. С. 183; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1851: в 2 ч. СПб., 1851. Ч. 1. С. 220; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1852: в 2 ч. СПб., 1852. Ч. 1. С. 217. См. также «Алфавитные списки фамилий», содержащихся в «Адрес-календарях» 1849–1872 гг., и ежегодные справочные издания, выпускавшиеся в Санкт-Петербурге Почтовым департаментом «Список лицам, служащим по почтовому ведомству и почтовым местам» (др. названия: «Список лицам, служащим по почтовому ведомству и почтовым учреждениям», «Список чиновников почтового ведомства и почтовым местам»).
- 28 Метрическая запись о рождении Александры Байгишевой // ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 365. Л. 11 об., 12.
- 29 В «Табели о состоянии Томской губернии города Кузнецка за 1850 год», в части под названием «<количество> Жителей по различию состояния», указано, что купцы 3-й

- гильдии составляли большую часть торговых людей Кузнецка. В тот период в городе их было 28 лиц мужского и 13 женского пола, в то время как купцов 2-й гильдии — всего 4 (трое из них — мужчины), а купцов 1-й гильдии вообще не существовало (Табель о состоянии Томской губернии города Кузнецка за 1850 год // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 523. Л. 668).
- ³⁰ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1853: в 2 ч. СПб., 1853. Ч. 1. С. 220. То же: Адрес-календарь. Общий штат Российской империи, 1854: в 2 ч. СПб., 1854. Ч. 1. С. 222; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1855: в 2 ч. СПб., 1855. Ч. 1. С. 221; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1856: в 2 ч. СПб., 1856. Ч. 1. С. 215.
- ³¹ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1857: в 2 ч. СПб., 1857. Ч. 1. С. 212. То же: Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, на 1858–1859 год: в 2 ч. СПб., 1860. Ч. 1. С. 222.
- ³² Письмо № 16608 от 16 декабря 1859 г. Почтового Департамента Томской губернской почтовой конторе о получении разрешения на 7-дневный отпуск в Томск кузнецкого почтмейстера П. Ф. Байгашева // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 248. Л. 60, 60 об.
- ³³ Памятная книжка лицам, служащим по разным ведомствам Томской губернии по 15 марта 1866. Томск, 1866. С. 27. См. также: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи, и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском. На 1860–1861 год: в 2 ч. СПб., 1861. Ч. 2. Стлб. 438; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи, и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском. На 1862–1863 год: в 2 ч. СПб., 1863. Ч. 2. Стлб. 407; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи, и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском. На 1865–1866 год: в 2 ч. СПб., 1866. Ч. 2. Стлб. 404; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи, и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском. На 1866–1867 год: в 2 ч. СПб., 1867. Ч. 2. Стлб. 409; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1868 год: в 2 ч. СПб., 1868. Ч. 2. Стлб. 388; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1869 год: в 2 ч. СПб., 1869. Ч. 2. Стлб. 399; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1870 год: в 2 ч. СПб., 1870. Ч. 2. Стлб. 435; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1871 год: в 2 ч. СПб., 1871. Ч. 2. Стлб. 432; Список чиновникам почтового ведомства и почтовым местам. СПб.: в тип. Почтового департамента, 1860. С. 51, 107; Список чиновникам почтового ведомства и почтовым местам. СПб.: в тип. Почтового департамента, 1863. С. 56; Список чиновникам почтового ведомства и почтовым местам. СПб.: в тип. Почтового департамента, 1865. С. 62.
- ³⁴ Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томск, 1871. С. 25.
- ³⁵ [Николай I.] № 19086. Июня 11. Манифест, распубликованный 22 июня. О порядке приобретения дворянства службою // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе. Т. XX. Отд. I: 1845. СПб., 1846. С. 450–451. URL: <http://elibrary.ru/nodes/315-otd-nie-1-ot-18573-19303-1846#mode/inspect/page/454/zoom/6> (01.06.2018).

- ³⁶ Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томск: Губернская типография, 1871. С. 25. В более поздних изданиях «Памятных книжек...» его фамилия уже отсутствует (например: Адрес-календарь Томской губернии (к 10-му декабрю 1883 года). Томск, 1883. С. 26).
- ³⁷ В издании «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1872 год» (в 2 ч. СПб., 1872. Ч. 2. Стлб. 389) в Сырдарьинской области Главного управления Восточной Сибири Т. В. Панюкова обнаружила упоминание о почтмейстере г. Аулиэатинска Байгишеве (без инициалов), коллежском регистраторе (чин 14 класса) — возможно, сыне П. Ф. Байгишева.
- ³⁸ Перспективными в этом направлении могут стать поиски в фонде Главного управления почт и телеграфов при Министерстве внутренних дел Российской империи (Ф. 1289) Российского государственного исторического архива (РГИА СПб). См., например, оп. 16 (формулярные списки выбывших со службы и списки нижних чинов разных губерний), а также оп. 17 (формулярные списки станционных смотрителей, почтальонов, сторожей и др. служащих почтово-телеграфного ведомства). Автор данной статьи планирует воспользоваться указанными направлениями.
- ³⁹ Письмо № 16608 от 16 декабря 1859 г. Почтового Департамента Томской губернской почтовой конторе о получении разрешения на 7-дневный отпуск в Томск кузнецкого почтмейстера П. Ф. Байгашева // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 248. Л. 60, 60 об.
- ⁴⁰ Письмо № 149 от 20 марта 1859 года начальства Сибирского почтового округа Томской губернской почтовой конторе о награждении чиновников темно-бронзовыми медалями в память минувшей Крымской войны // ГАТО. Ф. 218. Оп. 8. Д. 246. Л. 111, 111 об., 112, 112 об., 113, 114, 114 об.
- ⁴¹ ПСЗРИ, 1856 г. Т. 31/1. № 31 216. С. 1040; [Петерс: 173–175], [Деммени: 367–369, 370–375].
- ⁴² Ведомость об успехах и поведении учеников Кузнецкого уездного училища за первую треть 1858–59 года // ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 250. Л. 28, 28 об., 29.
- ⁴³ Ведомость об успехах и поведении учеников Кузнецкого Приходского училища за первую половину академического 1857–58 года // ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 233. Л. 59, 59 об.
- ⁴⁴ Фамилия «Байгашев» относится к группе шорско-телеутских фамилий, бытующих на территории современной Кемеровской области и Алтая. Напр.: Изыгашев, Кусургашев, Созыгашев, Таннагашев, Улагашев, Челбогашев и др.
- ⁴⁵ Информацию о происхождении фамилии предоставила И. С. Андрианова (сотрудник редакции научного журнала «Неизвестный Достоевский»): согласно «Вопросам марийской ономастики», данная фамилия — татарского происхождения и состоит из двух частей: «бай» — богатый, богач, хозяин и мужского имени Гайша, образованного от аппелятива со значением «живой, бойкий, шустрый» (Вопросы марийской ономастики. Марный: Марийский научно-исследовательский институт, 1983. Т. 4. С. 99).
- ⁴⁶ Часть метрических книг г. Кузнецка Кузнецкого округа Томской губернии хранится в Государственном архиве Томской области в фонде Томской духовной консистории (ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 202, 232, 257, 374, 348, 436, 445, 687, 817, 857, 904, 919, 1012 — Одигитриевская православная церковь, 1844–1871, и д. 231, 272, 317, 365, 420, 434, 623, 681, 816, 833, 854, 876, 1051 — Спасо-Преображенский собор, 1845–1875). В 2018 г. автор статьи, изучив их, пришла к выводу о необходимости продолжения поиска, связанного с П. Ф. Байгашевым и его потомками, в других архивах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Деммени М.] Сборникъ указовъ по монетному и медальному делу въ Россіи помѣщенныхъ въ Полномъ собраніи законовъ съ 1649 по 1881 г. / сост. М. Деммени. — СПб., 1887. — Вып. 3. — 619, 127 с.
2. [Костров Н. А.] Город Кузнецк: историко-статистический очерк. — [Томск: Губ. тип., 1880.] — 26 с.
3. [Лизогуб П. П.] Господа почтари // [Лизогуб П. П., Крюков Е. Н., Казанцева И. И.] Прогулки по старому Кузнецку: очерки по истории города ; автор-сост. И. И. Казанцева. — Новокузнецк: Кузнецкая книга, 2016. — С. 100–103.
4. Л-нко А. Почта // Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь. — Т. 24а. — СПб., 1898. — С. 792–819. — URL: <https://www.runivers.ru/bookreader/book10179/#page/333/mode/tup> (01.06.2018).
5. Министерство внутренних дел (1802–1902): исторический очерк. Приложение второе: Почта и телеграф в XIX столетии. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1901. — 248, VIII с.
6. Морев В. А. Реформы почтовой связи Западной Сибири в первой трети XIX века // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 411. — С. 94–97.
7. Петерс Д. И. Наградные медали Российской империи XIX–XX веков. Каталог. — М.: Археографический центр, 1996. — 294 с.

Дата поступления в редакцию: 15.05.2018

Elena D. Trukhan

*Assistant Director for Research
at the F. M. Dostoevsky Literary Memorial Museum
(Novokuznetsk, Russian Federation)*

dostoevski_nvzk@mail.ru

KUZNETSKY POSTMASTER CALLED “FORMALIST” BY F. M. DOSTOEVSKY

Abstract. The article is devoted to the Kuznetsk post office and its head, postmaster P. F. Baigashev, (Baigishev), who was called “formalist” by Dostoevsky in his letter to A. E. Wrangel on August 23, 1855. The author discovered previously unknown facts about this official, his family and friends, his awards, career progression. This research work covers biographical information about a certain postal official, historical facts on life of the Postal Department, as well as everyday details of the Kuznetsk post office and the town of Kuznetsk in Tomsk province, as a whole. Some names of Kuznetsk postmen and archival documents are introduced into scientific circulation for the first time. The research is based on the study of documentary sources of the state archive of the Tomsk region (registers of births, reports of city chiefs, circulars, business letters, statements, lists, etc.) and collections of statistical data in the mid to late — 19th century, stored in the library collections of Tomsk and Moscow

Keywords: F. M. Dostoevsky, Kuznetsk, XIX century, biography, postmaster, Peter F. Baigashev, Peter F. Baigishev, Kuznetsk post office

REFERENCES

1. Demmeny M. A. *Sbornik ukazov po monetnomu i medal'nomu delu v Rossii pomeschennykh v Polnom sobranii zakonov s 1649 po 1881 g.* [The Collection of Decrees on the Coinage and the Medal Fabrication in Russia Compiled into the Complete Collection of Laws from 1649 up to 1881]. St. Petersburg, 1887, issue 3. 619, 127 p. (In Russ.)
2. Kostrov N. A. *Gorod Kuznetsk: istoriko-statisticheskiy ocherk* [The Town of Kuznetsk: Historical and Statistical Essay]. Tomsk, Gubernskaya Tipografiya Publ., 1880. 26 p. (In Russ.)
3. Lizogub P. P. Messieurs Postmen. In: *Lizogub P. P., Kryukov E. N., Kazantseva I. I. Progulki po staromu Kuznetsku: ocherki po istorii goroda* [Walking Through the Old Kuznetsk: Essays on the History of the Town]. Novokuznetsk, Kuznetskaya kniga Publ., 2016, pp. 100–103. (In Russ.)
4. L-nko A. Post Office. *Brockhaus F. A., Efron I. A. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1898, vol. 24A, pp. 792–819. Available at: <https://www.runivers.ru/bookreader/book10179/#page/333/mode/lup> (accessed on January 06, 2018). (In Russ.)
5. *Ministerstvo vnutrennikh del (1802–1902): istoricheskiy ocherk. Prilozheniye vtoroye: Pochta i telegraf v XIX stoletii* [Home Office (1802–1902): Historical Essay. The Second Supplement: the Post and Telegraph in the 19th Century]. St. Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1901. 248 p. (In Russ.)
6. Morev V. A. Reform of Mail Service in Western Siberia in the First Third of the 19th Century. In: *Tomsk State University Journal*. 2016, no. 411, pp. 94–97. (In Russ.)
7. Peters D. I. *Nagradnyye medali Rossiyskoy imperii XIX–XX vekov. Katalog* [Award medals of the Russian Empire of the 19th–20th Centuries. Catalogue]. Moscow, Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1996. 294 p. (In Russ.)

Received: February 15, 2018

DOI 10.15393/j10.art.2018.3582

Павел Евгеньевич Фокин

кандидат филологических наук,
заведующий отделом «Музей-квартира Ф. М. Достоевского»
Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля
(Государственного литературного музея)
(Москва, Российская Федерация)

pfokin@mail.ru

ТЕЛЕГРАММЫ РАЗНЫХ ЛИЦ К А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ С СОБОЛЕЗНОВАНИЯМИ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (ИЗ РУКОПИСНОГО ФОНДА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. В. И. ДАЛЯ)*

Аннотация: В публикации представлен комплекс телеграмм-соболезнований, отправленных в адрес А. Г. Достоевской в связи со смертью Ф. М. Достоевского. Бланки двенадцати телеграмм, поступивших в адрес вдовы с 27 января по 20 февраля (старого стиля) 1881 г., вклеены в тетрадь, которая хранится в составе рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственного литературного музея). Похороны Достоевского стали значимым общественным событием. Телеграммы передают духовное и эмоциональное состояние, которое переживала русская общественность в связи с уходом из жизни писателя. Их география обширна: Москва, Тверь, Кронштадт, Казань, Саратов, Харьков, Одесса, Старая Русса, Рим, Белград. Среди отправителей были лица разного возраста и социального положения: великие князья Сергей и Павел Александровичи, прославленный генерал М. Г. Черняев, харьковский педагог Х. Д. Алчевская, учащаяся молодежь, преподаватели, представители литературной общественности и провинциальной интеллигенции (Одесское славянское общество, Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов, Старорусское городское общество и др.). Во многих телеграммах подчеркивается соучастие их отправителей в молебнах, панихидах и других памятных мероприятиях по усупии Достоевского. В комментариях дается краткая характеристика отправителей и лиц, упоминаемых в текстах.

Ключевые слова: смерть Ф. М. Достоевского, А. Г. Достоевская, телеграммы, соболезнование, Музей памяти Ф. М. Достоевского, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля

Несмотря на то, что в последние годы жизни Достоевский был тяжело болен и регулярно обращался к врачам, его кончина, наступившая 28 января 1881 г. (по старому стилю), стала для всех полной неожиданностью.

Как вспоминала А. Г. Достоевская, «первую половину января Федор Михайлович чувствовал себя превосходно, бывал у знакомых и даже согласился участвовать в домашнем спектакле, который предполагали устроить у графини С. А. Толстой в начале следующего месяца» [Достоевская: 423]. В январе Достоевский активно работал, готовя первый выпуск возобновляемого им «Дневника писателя», факт объявления которого сам по себе свидетельствует о том, что и он полагал, что физических сил хватит ему как

минимум на год напряженного труда. Еще 25 января, накануне резкого обострения болезни, Достоевский принимал гостей, дал согласие профессору О. Ф. Миллеру выступить на литературном вечере в годовщину смерти Пушкина [Достоевская: 424]. Ничто не предвещало катастрофы. Никто не думал, что смерть Достоевского наступит столь скоро.

Не были готовы к печальному известию и русские читатели. Еще памятен был московский триумф «Пушкинской речи», развернувшаяся вокруг нее жаркая полемика, августовский «Дневник писателя». В декабре 1880 г. завершилась публикация «Братьев Карамазовых». Авторитет Достоевского как никогда был высок. Все ждали от него новых откровений и пророческих слов. И потому отклик на смерть Достоевского был чрезвычайным. Его похороны стали значимым общественным событием.

Вспоминая обстоятельства тех дней, Анна Григорьевна сетовала на то, что искреннее, но неумеренное выражение чувств соболезнования со стороны почитателей таланта Достоевского, лишило ее возможности попрощаться с мужем должным образом. Она постоянно была на виду, в окружении чужих людей и не могла полностью предаться своему горю: «<...> ни на час наша квартира не освобождалась от посторонних: плотный поток людей шел с парадного входа, второй с черного хода, проходил через все наши комнаты и останавливался в кабинете, где, по временам, до того сгущался воздух, до того мало оставалось кислорода, что гасли лампада и большие свечи, окружавшие катафалк. Посторонние люди находились у нас не только днем, но и ночью <...>» [Достоевская: 436].

Вдова писателя пыталась уединиться, но и тогда ее находили и вызывали принять очередную депутацию от какого-либо учреждения, желавшую лично выразить ей свое соболезнование. «Я выходила, и представитель депутации, заранее приготовивший красивую речь, начинал говорить о том значении, которое имел в русской литературе мой покойный муж, выставлял те высокие идеи, которые он проповедовал, и говорил, какую “громкую потерю понесла с его смертью Россия!” Я молча слушала, горячо благодарила, пожимала руки и уходила к маме. А чрез некоторое время новая депутация, непременно желающая меня видеть и лично выразить свои соболезнования. И я выходила и выслушивала речи о значении моего мужа и о том, “кого в нем потеряла Россия”» [Достоевская: 436–437]. Те же, кто находился далеко и не мог прийти лично, присылали телеграммы.

Регулярная телеграфная связь для всех подданных Российской империи стала возможной с середины 1850-х годов. В первую очередь ее освоили журналисты и представители бизнеса. Частные лица пользовались ею в крайних случаях, так как услуги телеграфа стоили достаточно дорого. Но в особых случаях — в дни юбилеев или траура — не скупилась, стараясь в дни радости или горя быть сопричастными событию. Скоростная доставка телеграмм давала ощущение, как бы мы сегодня сказали, онлайнного

присутствия и действия даже в тех случаях, когда физически было невозможно оказаться в должном месте.

Анна Григорьевна вспоминает, что сочувственные телеграммы стали поступать еще в дни болезни Достоевского. И естественно, что поток их увеличился сразу после смерти писателя. В рукописном отделе Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля в составе материалов, собранных А. Г. Достоевской для «Музея памяти Ф. М. Достоевского» хранится тетрадь, в которую вклеены бланки с телеграммами соболезнований, поступивших в адрес вдовы с 27 января по 20 февраля (старого стиля) 1881 г. (Ф. 81. Оп. 2. Д. 42). Всего 12 телеграмм. География отправления очень обширная, не только Россия — Москва, Тверь, Кронштадт, Казань, Саратов, Харьков, Одесса, Старая Русса, но и Европа — Рим, Белград. Среди отправителей лица самого разного возраста и социального положения: великие князья Сергей и Павел Александровичи, прославленный генерал М. Г. Черняев, о котором не раз писал Достоевский в «Дневнике писателя» в 1876–1877 гг., харьковский педагог Х. Д. Алчевская, состоявшая в переписке с Достоевским и бывавшая у него в гостях в Петербурге, учащая молодежь, преподаватели, представители литературной общестственности из регионов, различные сообщества городской провинциальной интеллигенции (Одесское славянское общество, Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов, Старорусское городское общество и др.).

Одни телеграммы носят сдержанный эмоциональный характер, другие, напротив, пафосны и красноречивы. Особенно высокопарен студент выпускного курса Московской духовной академии, впоследствии ее доцент Иван Яхонтов. Составленная им «от лица всех студентов Московской духовной академии» телеграмма построена по всем правилам риторики и, возможно, именно она наиболее полно передает дух тех речей от различных депутатий, о которых вспоминает Анна Григорьевна и которые были ей столь ценны, столь и раздражительны.

В ряде телеграмм отправителями подчеркивается актуальность их высказывания, вызванная участием в молебнах, панихидах и других памятных мероприятиях, связанных со смертью Достоевского. Их составители хотят передать вдове писателя не только свои соболезнования, но и деятельную реакцию людей на скорбную весть.

Так, студенты Московской духовной академии «соединяют свои молитвы» с молитвами вдовы в первый день по успению Достоевского.

Или кронштадтские гимназисты, целых три класса, пришли с молебна и, объединенные общим чувством, не расходятся, клянутся, точно мальчики у Илюшечкина камня в «Братья Карамазовых»:

«Память о томъ челоѣкъ, который еще нѣсколько дней до смерти такъ горячо вѣрилъ въ подрастающее молодое поколѣніе, кто умѣлъ

прощать его увлеченія и сочувствовать его стремленіямъ, кто предсказывалъ ему свѣтлую дорогу труда и чести, кто осѣнялъ эту дорогу примѣромъ своей безукоризненной жизни, память о томъ человѣкѣ не умретъ въ сердцахъ русской молодежи, въ сердцахъ нашихъ. А кончая нашъ жизненный путь, мы научимъ дѣтей нашихъ уважать и любить того, кончину кого мы сами такъ горько и безутѣшно оплакивали. И мы вѣримъ, что наши дѣти поймутъ насъ».

И пусть эта телеграмма несколько литературна и местами излишне витиевата, но юный возраст ее автора М. Кольцова, пишущего от лица также и своих товарищей, искупает жизненную неопытность и пылкость подростков, так что Анна Григорьевна даже диктует им благодарный ответ:

«Воспитанникамъ трехъ старшихъ классовъ Кронштадской классической гимназіи посылаю мою глубокую благодарность въ отвѣтъ на выраженное ими сочувствіе по поводу смерти моего мужа и радуюсь, если съ его именемъ они соединяютъ идеаль учителя, который напутствуетъ молодыхъ людей на честную и трудовую жизнь. Лучшей памяти мой покойный мужъ и не могъ желать».

Харьковчане отстаивают поминальную службу в университетской церкви, где перед собравшимися выступает многоуважаемый профессор Н. Н. Бекетов, и телеграфируют Анне Григорьевне, делясь волнением от проникновенного слова («прочувствованная речь, вызвавшая слезы») и совместной молитвы.

Городское сообщество Старой Руссы совместными молитвами и думами провожает в Царствие Небесное своего великого горожанина, и городской голова спешит уведомить об этом.

За границу вести из России доходят с опозданием. Генерал М. Г. Черняев в Белграде узнает о смерти Достоевского только 2 февраля и сразу же («только узнал») спешит откликнуться сострадательным посланием: «...примите и мои слезы как от души родной».

В целом телеграммы передают ту духовную взволнованность, которую испытала русская общественность в связи с уходом из жизни Ф. М. Достоевского.

9 телеграмм были опубликованы в книге «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями». СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883 (с. 329–332).

Тексты телеграмм публикуются в соответствии с орфографией и пунктуацией оригиналов. Датировка дается по старому стилю.

1.

**Телеграмма Их Императорских Высочеств Великих Князей
Сергея и Павла Александровичей. Из Рима, 7 февраля 1881 г.**

Телеграмма на бланке. Распечатка на телеграфной ленте. Вклеена в тетрадь. В описи, сделанной в тетради А. Г. Достоевской, под № 1.

В «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в “Музее памяти Ф. М. Достоевского” в Московском Историческом Музее Имени Императора Александра III. 1846–1903» А. Г. Достоевской № 3983 (Отдел XIX. Смесь. Раздел А).

Из собрания А. Г. Достоевской. Поступление из Государственной исторической библиотеки в 1962 г. через Г. Ф. Коган.

Ф. 81. Оп. 2. Д. 42

РНБ 1320 КП 56653/1

PRENONS PART SINCERE A VOTRE MALHEUR AVONS EU GRAND AVANTAGE CONAITRE BEOUCOUP VOTRE MARI ET APRECIER SON GRAND TALENT SON COEUR SI PLEIN D AMOUR POUR SON PAYS ET SON PROCHAIN SON INFLUENCE SI BIENFAISANTE PARTAGEONS DOULEUR GENERAL ET COMPRENONS TOUT CE QUE VOUS AVEZ PERDU ET TOUT CE QUE VOUS SOUFFREZ. QUE DJEU VOUS SOUTIEN = SERGE PAUL. (См. илл. 2)

{Принимаем искреннее участие в вашем несчастье. Имели великую возможность хорошо знать Вашего мужа и оценить его великий талант, его полное любви к своей стране и его близким сердце, его столь благотворное влияние. Разделяем общую скорбь и понимаем всю вашу потерю и всё ваше страдание. Пусть Господь поддерживает вас. = Сергей. Павел.}¹

Сергей Александрович Романов (1857–1905) — великий князь, пятый сын императора Александра II, общественный и политический деятель, московский генерал-губернатор. Погиб от бомбы террориста И. Каляева.

Павел Александрович Романов (1860–1919) — великий князь, шестой сын императора Александра II, генерал. Расстрелян большевиками как заложник в ответ на убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта в Германии.

2.

**Телеграмма от лица всех студентов Московской духовной академии
Иван Яхонтов. Из Сергиева Посада, 31 января 1881 г.**

Телеграмма на 2 бланках. Распечатка на телеграфной ленте. Вклеена в тетрадь.

В описи, сделанной А. Г. Достоевской в тетради, под № 2.

В «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в “Музее памяти Ф. М. Достоевского” в Московском Историческом Музее Имени Императора Александра III. 1846–1903» А. Г. Достоевской № 3984 (Отдел XIX. Смесь. Раздел А).

Из собрания А. Г. Достоевской. Поступление из Государственной исторической библиотеки в 1962 г. через Г. Ф. Коган.

Ф. 81. Оп. 2. Д. 42

КП 56653/1

Опубликовано: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 329–330.

Глубоко уважаемая Анна Григорьевна. Жгучею болью отозвалася сердцах наших вестъ о смерти глубоко уважаемого нами супруга вашего. Позвольте же нам разделитъ с вами великое горе свое. Прискорбно больно видетъ нам смертъ ету отнявшую у России честнаго труженика печальника и доброй души человека. Жалка потеря деятеля который радовался радостями русскаго народа и страдал его страданиями который носил в сердце своем тяготы алчущих жаждущих униженных и оскорбленных который любил свою родину истинною любовью он любилъ не идеализированную Руссь а Руссь со всеми ея слабостями и не недостатками. Будучи далеким от того чтобы восторгаться идеальными совершенствами русской жизни и русскаго народа он вместе съ тем далекъ был и от намерения бросатъ грязью в ету жизнь и в етот народ в самых невылазных болотах русской жизни и русскаго быта он старался находить драгоцѣнную жемчужину широко доброй русской души, и действительно находил ее. Самая даже маленькая черточка образа Божия в человеке дорога была ему потому что она являлась для него залогом лучшаго будущаго возможных лучших отношений между людьми. Жалка нам потеря общаго друга который имелъ столь всеобъемлющее и любвеобильное сердце что способен был примиритъ съ собою самых разномыслящих людей что почти всех их заставил податъ ему руку. Больно и горько нам видетъ смертъ истиннаго русскаго человека который всех больше понял душу и сердце своего народа и уже поетому более других способен был указатъ ему его истинный идеал. Почившій о Бозе любимец наш ты сам советовал нам повторятъ всегда Упокой Господи всех усопших в етотъ день съ великою скорбию мы применяем теперъ ети слова твои к тебе же самому. Миръ праху твоему честный труженик на русской ниве. Да будет тебе добрый человек любовъ Божия на небесах

наградою за любовь твою къ братьям о Христъ = От лица всех студентов Московской Духовной академии Иван Яхонтов. (См. илл. 3а, б)

Иван Петрович Яхонтов (1855–1886) — русский богослов, студент (выпуск 1881 г.), а затем преподаватель (доцент кафедры богословских наук с 1883 г.) Московской духовной академии.

...ты сам советовал нам повторять всегда: «Упокой Господи всех усопших в этот день»... — очевидно, имеются в виду слова старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы»: «Запомни еще: на каждый день и когда лишь можешь, тверди про себя: “Господи, помилуй всех днесь пред Тобою представших”. Ибо в каждый час и каждое мгновение тысячи людей покидают жизнь свою на сей земле и души их становятся пред Господом — и сколь многие из них расстались с землею отъединенно, никому не ведомо, в грусти и тоске, что никто-то не пожалеет о них и даже не знает о них вовсе: жили ль они или нет. И вот, может быть, с другого конца земли вознесется ко Господу за упокой его и твоя молитва, хотя бы ты и не знал его вовсе, а он тебя. Сколь умирительно душе его, ставшей в страхе пред Господом, почувствовать в тот миг, что есть и за него молеельщик, что осталось на земле человеческое существо, и его любящее. Да и Бог милостивее воззрит на обоих вас, ибо если уже ты столь пожалел его, то кольми паче пожалеет Он, бесконечно более милосердый и любовный, чем ты. И простит его тебя ради» [Достоевский: 289].

3.

Телеграмма от харьковцев за подписью Сыхра. Из Харькова, 31 января 1881 г.

Телеграмма на бланке. Распечатка на телеграфной ленте. Вклеена в тетрадь. В описи, сделанной А. Г. Достоевской в тетради, под № 3.

В «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в “Музее памяти Ф. М. Достоевского” в Московском Историческом Музее Имени Императора Александра III. 1846–1903» А. Г. Достоевской № 3985 (Отдел XIX. Смесь. Раздел А).

Из собрания А. Г. Достоевской. Поступление из Государственной исторической библиотеки в 1962 г. через Г. Ф. Коган.

Ф. 81. Оп. 2. Д. 42

КП 56653/1

Опубликовано: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 330.

Харьковцы глубоко поражены смертью незабвенного Федора Михайловича. Завтра университетской церкви соберемся почтит<ь> его память = Сыхра (см. илл. 4)

В. А. Сыхра — штабс-капитан, владелец крупного книжного магазина в Харькове, в 1881–1882 гг. — издатель ежемесячного политического, литературного, научного и экономического журнала «Мир».

4.

**Телеграмма от преподавателей Тверской гимназии
и Реального училища. Из Твери, 1 февраля 1881 г.**

Телеграмма на бланке. Распечатка на телеграфной ленте. Вклеена в тетрадь. В описи, сделанной А. Г. Достоевской в тетради, под № 4.

В «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в “Музее памяти Ф. М. Достоевского” в Московском Историческом Музее Имени Императора Александра III. 1846–1903» А. Г. Достоевской № 3986 (Отдел XIX. Смесь. Раздел А).

Из собрания А. Г. Достоевской. Поступление из Государственной исторической библиотеки в 1962 г. через Г. Ф. Коган.

Ф. 81. Оп. 2. Д. 42

КП 56653/1

Опубликовано: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 330.

Почитатели таланта усопшаго супруга вашего служащие Тверской гимназии и реального училища помолившись за упокой души его шлют вам глубокое сочувствие къ поразившему вас горю и выражают сожаление об утрате постигшей вас и всю Россію лишившуюся въ лице Федора Михайловича глубокаго русскаго мыслителя и истиннаго патриота = Протоиерей Первухинъ Геречанъ Федоровъ Львовъ Кирсикъ Голейшовский Шмелев Крылов Крупаръ Горнманъ Одинцов Кизлингъ Розовъ Некрасовъ (см. илл. 5)

5.

Телеграмма от Х. Д. Алчевской. Из Харькова, 1 февраля 1881 г.

Телеграмма на бланке. Распечатка на телеграфной ленте. Вклеена в тетрадь. В описи, сделанной А. Г. Достоевской в тетради, под № 5.

В «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в “Музее памяти Ф. М. Достоевского” в Московском Историческом Музее Имени Императора Александра III. 1846–1903» А. Г. Достоевской отсутствует.

Из собрания А. Г. Достоевской. Поступление из Государственной исторической библиотеки в 1962 г. через Г. Ф. Коган.

Ф. 81. Оп. 2. Д. 42

КП 56653/1

Опубликовано: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 330.

Позвольте выразит<ь> вам сочувствие к вашему личному горю, близкому также всем нам. Мы, учительницы женской воскресной школы в Харьковѣ, со всеми нашими ученицами возвратилис<ь> сейчас с панихиды, на которой молилис<ь> памяти незабвеннаго Феодора Михайловича. Панихида происходила въ университетской церкви, при огромном стечении народа. Уважаемым профессором Бекетовым была произнесена прочувствованная реч[ь], вызвавшая слезы = Алчевская (см. илл. 6)

Христина Даниловна Алчевская (1841–1920) — общественный деятель, публицистка, педагог, знакомая Ф. М. Достоевского, адресат писем Ф. М. Достоевского и автор мемуаров о нем.

Николай Николаевич Бекетов (1827–1911) — профессор химии Харьковского университета, один из основоположников физической химии, академик Петербургской академии наук (с 1886), общественный деятель, просветитель.

6.

Телеграмма от М. Гр. Черняева. Из Белграда, 2 февраля 1881 г.

Телеграмма на бланке, переписанная рукой А. Г. Достоевской. Карандаш. Рукопись. Вклеена в тетрадь.

В описи, сделанной А. Г. Достоевской в тетради, под № 6.

В «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском Историческом Музее Имени Императора Александра III. 1846–1903» А. Г. Достоевской № 3987 (Отдел XIX. Смесь. Раздел А).

Из собрания А. Г. Достоевской. Поступление из Государственной исторической библиотеки в 1962 г. через Г. Ф. Коган.

Ф. 81. Оп. 2. Д. 42

КП 56653/1

Tolko ouznal o poteri Waczej u wsej Rossiyi primite i moi slesi kak ot douchi rodnoj Theodoroff Michailowitschou. Tschernieff (см. илл. 7)

{Только узнал о потере Вашей и всей России. Примите и мои слезы как от души родной Федору Михайловичу. Черняев}

Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898), русский генерал, туркестанский генерал-губернатор, главнокомандующий сербской армией, политический деятель. Имя М. Г. Черняева неоднократно встречается на страницах «Дневника писателя» 1876–1877 гг. в связи с военно-политическими событиями на Балканах.

7.

**Телеграмма от лица трех старших классов Кронштадтской
классической гимназии М. Кольцов. Из Кронштадта, 3 февраля 1881 г.
С ответом А. Г. Достоевской.**

Телеграмма на трех бланках, переписанная рукой А. Г. Достоевской. Карандаш. Рукопись. Вклеена в тетрадь.

В описи, сделанной А. Г. Достоевской в тетради, под № 7.

В «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в “Музее памяти Ф. М. Достоевского” в Московском Историческом Музее Имени Императора Александра III. 1846–1903» А. Г. Достоевской № 3988 (Отдел XIX. Смесь. Раздел А).

Из собрания А. Г. Достоевской. Поступление из Государственной исторической библиотеки в 1962 г. через Г. Ф. Коган.

Ф. 81. Оп. 2. Д. 42

КП 56653/1

Опубликовано (только текст телеграммы М. Кольцова, без ответа А. Г. Достоевской): Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 331.

Анна Григорьевна! ученики старшихъ классовъ Кронштадтской классической гимназіи, возвратившись только что съ панихиды по незабвенномъ супругѣ вашемъ Федорѣ Михайловичѣ, единогласно рѣшили выразить вамъ свое искреннее душевное сочувствіе въ понесенной Вами утратѣ. Вѣримъ что утрата эта самую жгучею болью отозвалась въ вашемъ сердцѣ, но повѣрьте и Вы, Анна Григорьевна, что смерть того, кто цѣлую жизнь ратовалъ за человѣческія права «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» смерть того не можетъ не сжать болѣзненно сердца всякаго русскаго человѣка, не испорченнаго, не искалѣченнаго и умѣющаго еще молодо и горячо сочувствовать всему честному, всему искреннему. Память о томъ человѣкѣ, который еще нѣсколько дней до смерти такъ горячо вѣрилъ въ подростящее молодое поколѣніе, кто умѣлъ прощать его увлеченія и сочувствовать его стремленіямъ, кто предсказывалъ ему свѣтлую дорогу труда и чести, кто осѣнялъ эту дорогу примѣромъ своей безукоризненной жизни, память о томъ человѣкѣ не умретъ въ сердцахъ русской молодежи, въ сердцахъ нашихъ. А кончая нашъ жизненный путь, мы научимъ дѣтей нашихъ уважать и любить того, кончину кого мы сами такъ горько и безутѣшно оплакивали. И мы вѣримъ, что наши дѣти поймутъ насъ.

Отъ лица трехъ старшихъ классовъ воспитанникъ М. Кольцовъ

Ответ А. Г. Достоевской:

Воспитанникамъ трехъ старшихъ классовъ Кронштадской классической гимназіи посылаю мою глубокую благодарность въ отвѣтъ на выраженное ими сочувствіе по поводу смерти моего мужа и радуюсь, если съ его именемъ они соединяютъ идеаль учителя, который напутствуетъ молодыхъ людей на честную и трудовую жизнь. Лучшей памяти мой покойный мужъ и не могъ желать. (См. илл. 8а, б, в))

8.

Телеграмма от кружка Саратовских литераторов,
редакторов «Саратовского Листка», «Волги», «Дневника»
и «Губернских ведомостей». Из Саратова, 4 февраля 1881 г.

Телеграмма на бланке. Распечатка на телеграфной ленте. Вклеена в тетрадь. В описи, сделанной А. Г. Достоевской в тетради, под № 8.

В «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в “Музее памяти Ф. М. Достоевского” в Московском Историческом Музее Имени Императора Александра III. 1846–1903» А. Г. Достоевской № 3989 (Отдел XIX. Смесь. Раздел А).

Из собрания А. Г. Достоевской. Поступление из Государственной исторической библиотеки в 1962 г. через Г. Ф. Коган.

Ф. 81. Оп. 2. Д. 42

КП 56653/1

Опубликовано: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 331–332.

Кружок саратовских литераторов вместе с издателями и редакторами газет «Саратовский листок» «Волга» «Дневникъ» и «Губернские ведомости» чтя память великаго нашего писателя Федора Михайловича Достоевскаго шлет вам выражение глубокаго сожаления о потере вашей и всей мыслящей Россіи = Федор Михайлович Достоевский, Илья Салов, Михаил Попов, Петр Лебедев, Леонид Блюммер, Иван Ларионов, Ананий Кущъ, Иван Горизонтов, Сергей Гусев, Федор Соколов, Александр Кулаков, Юренев, редактор «Волги» Дмитрий Авксентьевъ (см. илл. 9)

Фёдор Михайлович Достоевский (1842–1906) — племянник и крестный сын Ф. М. Достоевского, первый сын старшего брата М. М. Достоевского, музыкант, педагог, жил и работал в Саратове.

Илья Александрович Салов (1835–1906) — прозаик.

Михаил Иванович Попов (?–1892) — журналист, фельетонист, сотрудник «Волжских ведомостей».

Пётр Осипович Лебедев (1848–1910) — журналист.

Леонид Петрович Блюммер (1841–1888) — журналист и писатель, издатель газеты «Волга»

Иван Петрович Ларионов (1830–1889) — композитор и музыкальный критик, сотрудник «Саратовского листка» и «Саратовского дневника».

Ананий Львович Куц (1840–?) — саратовский краевед, первый хранитель Радищевского музея.

Иван Парфенович Горизонтов (1847–1913) — журналист.

Сергей Сергеевич Гусев (1854–1922) — писатель и публицист, сотрудник «Саратовского листка» и «Волги».

Фёдор Александрович Соколов (?) — сотрудник «Саратовского листка».

Александр Андреевич Кулаков (1856–1905) — журналист, сотрудник «Саратовского листка».

9.

Телеграмма от председателя Одесского Славянского общества Бухтеева. Из Одессы, 8 февраля 1881 г.

Телеграмма на бланке. Распечатка на телеграфной ленте. Вклеена в тетрадь. В описи, сделанной А. Г. Достоевской в тетради, под № 9.

В «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в “Музее памяти Ф. М. Достоевского” в Московском Историческом Музее Имени Императора Александра III. 1846–1903» А. Г. Достоевской № 3990 (Отдел XIX. Смесь. Раздел А).

Из собрания А. Г. Достоевской. Поступление из Государственной исторической библиотеки в 1962 г. через Г. Ф. Коган.

Ф. 81. Оп. 2. Д. 42

КП 56653/1

Опубликовано: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 332.

Просим передать<ь> вдове Феодора Михайловича Достоевского. Одесское славянское общество въ сегодняшнем торжественном собрании постановило высказать телеграммою сочувствие ея горю, и свою скорб<ь> о потере милаго добраго хорошаго русскаго мыслителя = Председател<ь> Бухтеев (см. илл. 10)

Михаил Андреевич Бухтеев (1829–1901) — председатель Одесского славянского общества, сотрудник газеты «Одесский Вестник».

10.

Телеграмма от Совета Казанского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Из Казани, 9 февраля 1881 г.

Телеграмма на бланке. Распечатка на телеграфной ленте. Вклеена в тетрадь. В описи, сделанной А. Г. Достоевской в тетради, под № 10.

В «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском Историческом Музее Имени Императора Александра III. 1846–1903» А. Г. Достоевской № 3991 (Отдел XIX. Смесь. Раздел А).

Из собрания А. Г. Достоевской. Поступление из Государственной исторической библиотеки в 1962 г. через Г. Ф. Коган.

Ф. 81. Оп. 2. Д. 42

КП 56653/1

Опубликовано: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 329–330.

Любвеобильное сердце усопшаго Федора Михайловича чистой и горячей любовью билось и къ беднымъ детямъ. Советъ казанскаго общества земледельческихъ колоний и ремесленныхъ приютовъ принявшій на себя тяжелую но святую заботу нравственнаго перевоспитанія и исправленія несчастныхъ детей не можетъ не чтить его светлой памяти и вмесѣ съ вами и всею Россіей не оплакивать тяжкой потери. Примите выраженіе и нашей скорби къ постигнутому всехъ горю. = Председатель Молоствовъ. Члены совета: профессоръ Осокинъ Николай Юшковъ Петръ Куприяновъ Сергей Ивановъ Моисей Струзеръ Петръ Месетниковъ смотритель Злобинъ. (См. илл. 11)

11.

Телеграмма от городского головы Старорусского городского общества. Из Старой Руссы, 20 февраля 1881 г.

Телеграмма на бланке, переписанная рукой А. Г. Достоевской. Карандаш. Рукопись. Вклеена в тетрадь.

В описи, сделанной А. Г. Достоевской в тетради, под № 11.

В «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском Историческом Музее Имени Императора Александра III. 1846–1903» А. Г. Достоевской № 3992 (Отдел XIX. Смесь. Раздел А).

Из собрания А. Г. Достоевской. Поступление из Государственной исторической библиотеки в 1962 г. через Г. Ф. Коган.

Ф. 81. Оп. 2. Д. 42

КП 56653/1

Опубликовано: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 331.

Старорусское городское общество считая въ числѣ своихъ согражданъ великаго писателя и челоуѣка, супруга Вашего Федора Михайловича Достоевскаго, сегодня въ общемъ составѣ въ городскомъ соборѣ молилось о немъ и скорбь свою объ потерѣ его считаетъ долгомъ выразить предъ Вами искренно своимъ сочувствіемъ. = Городской голова Иванъ Дьячковъ (см. илл. 12)

Иван Иванович Дьячков (1857–1924) — потомственный почетный гражданин Старой Руссы, городской голова в 1880–1885 гг.

12.

Телеграмма от студентов Московской духовной академии. Из Сергиева Посада, 28 января 1882 г.

Телеграмма на бланке. Распечатка на телеграфной ленте. Вклеена в тетрадь. В описи, сделанной А. Г. Достоевской в тетради, без номера.

В «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в “Музее памяти Ф. М. Достоевского” в Московском Историческом Музее Имени Императора Александра III. 1846–1903» А. Г. Достоевской № 3993 (Отдел XIX. Смесь. Раздел А).

Из собрания А. Г. Достоевской. Поступление из Государственной исторической библиотеки в 1962 г. через Г. Ф. Коган.

Ф. 81. Оп. 2. Д. 42

КП 56653/1

Много уважаемая Анна Григорьевна студенты Московской духовной академии в нынешний день соединяют свои молитвы с вашими о дорогом незабвенном Федоре Михайловиче. (См. илл. 13)

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля», 18-012-90018.

¹ Перевод с французского яз. И. О. Дементьева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. — М.: ООО «Бослен», 2015. — 768 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. — Л.: Наука, 1976. — Т. 14. — 512 с.

Дата поступления в редакцию: 3.07.2018

Pavel E. Fokin

*Ph.D. in Philology,
Head of Department "Museum-apartment of F. M. Dostoevsky"
of The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
(State Literary Museum),
(Moscow, Russian Federation)*

pfokin@mail.ru

**THE TELEGRAMS OF DIFFERENT PEOPLE
TO ANNA DOSTOEVSKAYA EXPRESSING CONDOLENCES
ON THE DEATH OF FEDOR DOSTOEVSKY
(FROM THE MANUSCRIPT COLLECTION OF VLADIMIR DAHL
RUSSIAN STATE LITERARY MUSEUM)**

Abstract: The article presents the total of the telegrams of condolences on the death of F. M. Dostoevsky, addressed to Anna Dostoevskaya. Twelve telegrams received by the widow in the period from January 27 until February 20, 1881 (by the Old Style) are stuck into the notebook kept in the manuscript collection of Vladimir Dahl Russian State Literary Museum (State Literary Museum). The funerals of F. M. Dostoevsky became an important public event. The telegrams convey spiritual and emotional state the Russian society was going through due to the death of the writer. Their geographical coverage is enormous: Moscow, Tver, Kronstadt, Kazan, Saratov, Kharkov, Odessa, Staraya Russa, Rome, Belgrade. Among the addressers there were people of different ages and social status: Grand Dukes Sergei and Pavel, a legendary general M. G. Chernyaev, a teacher from Kharkov Kh. D. Alchevskaya, young students, professors, literary figures and provincial intelligentsia (Odessa Slavophile Society, Kazan Society of agricultural colonies and handicrafts shelters, Old Russian Urban Society etc.). Many telegrams mention the participation of the addressers in the funeral and prayer services and other commemorative events on occasion of Dostoevsky's death. The commentaries contain a brief profile of the telegram senders and other people mentioned in the texts.

Keywords: death of F. M. Dostoevsky, Anna Dostoevskaya, telegrams, condolences, The Dostoevsky Museum, Vladimir Dahl Russian State Literary Museum

REFERENCES

1. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917* [Memoirs. 1846–1917]. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p.
2. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochineniy* [The Complete Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 14, 512 p.

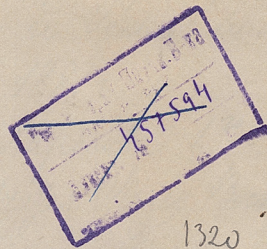
Received: July 3, 2018

ПРИЛОЖЕНИЕ

1а

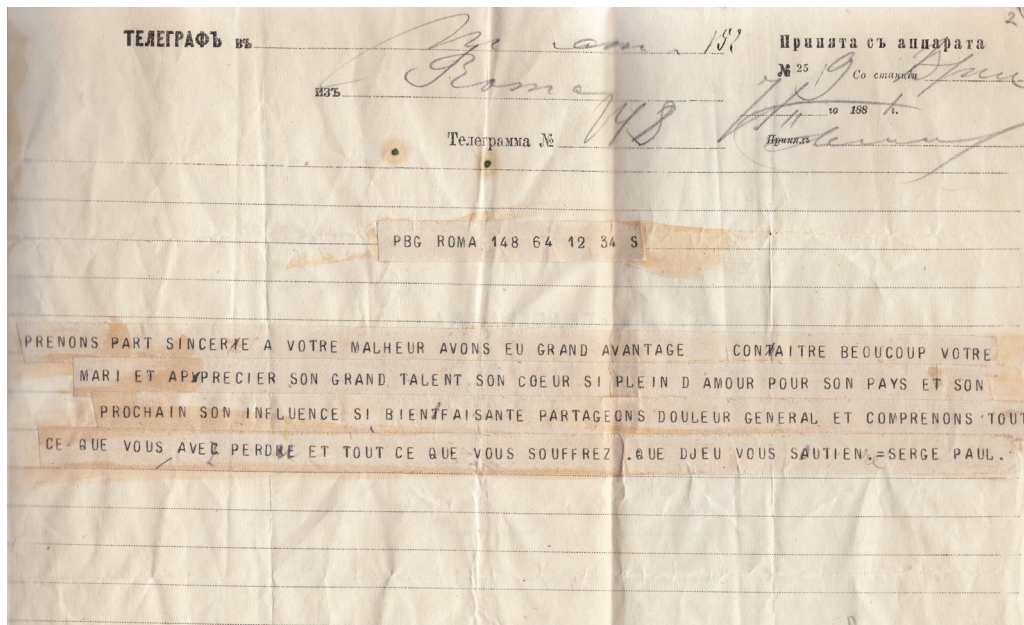
Отдѣлъ XIX
№ 3983 — 3993.

Телеграммы, присланные
вручку О. М. Достоевского раз-
личными учрежденіями и ли-
цами по поводу смерти Осодо-
ра Михайловича.

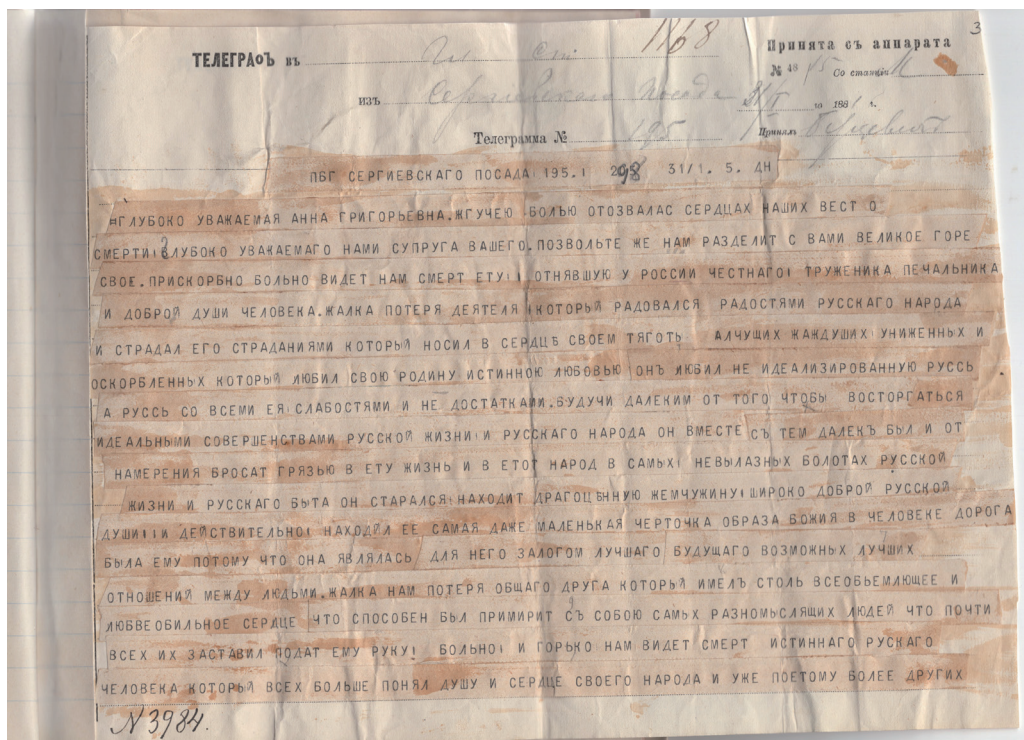

1320

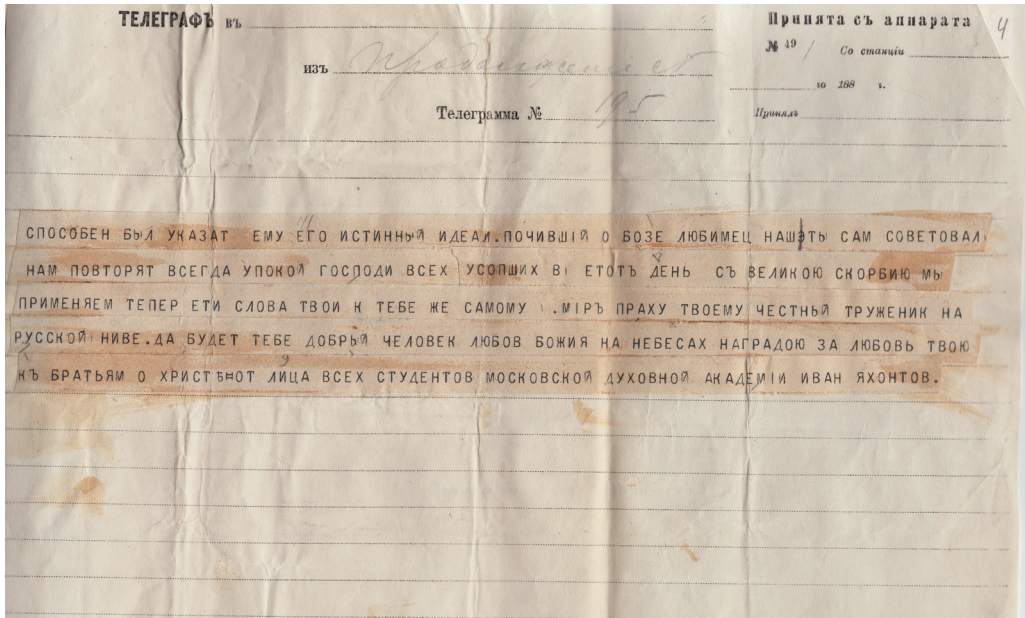

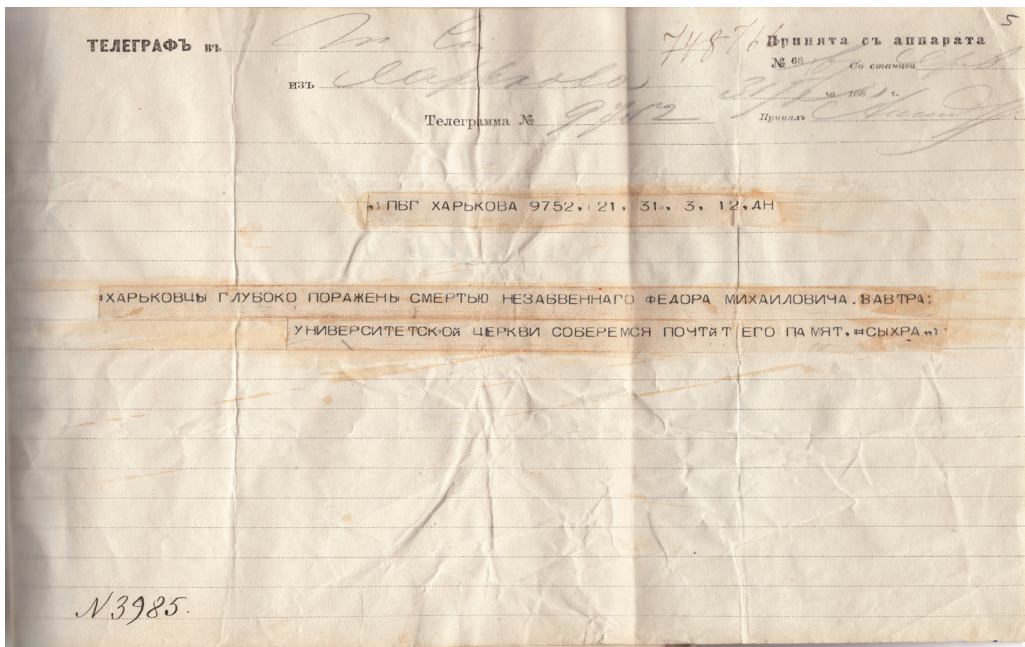
Илл. 2

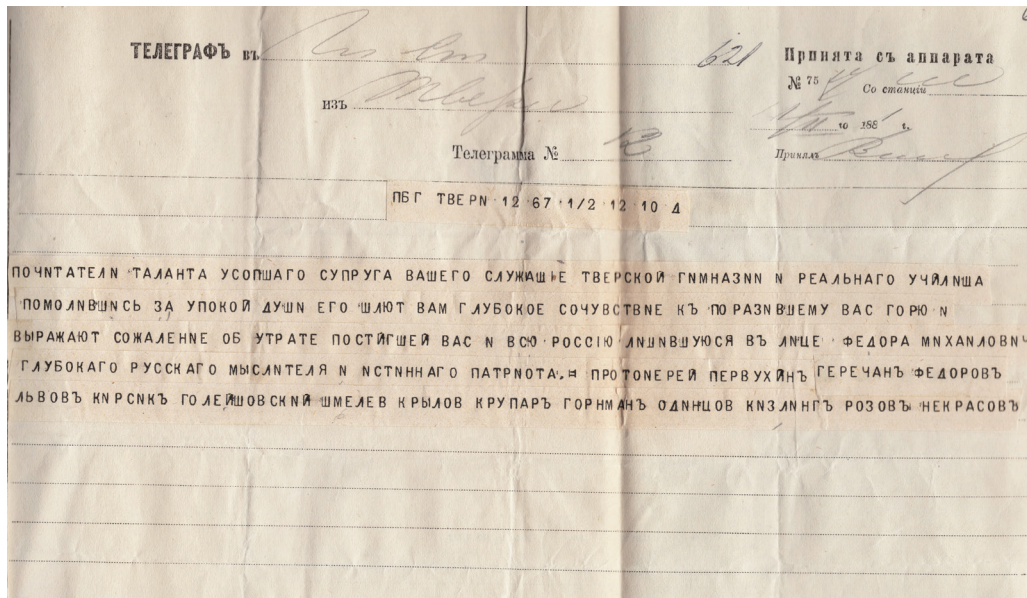
Илл. 3а

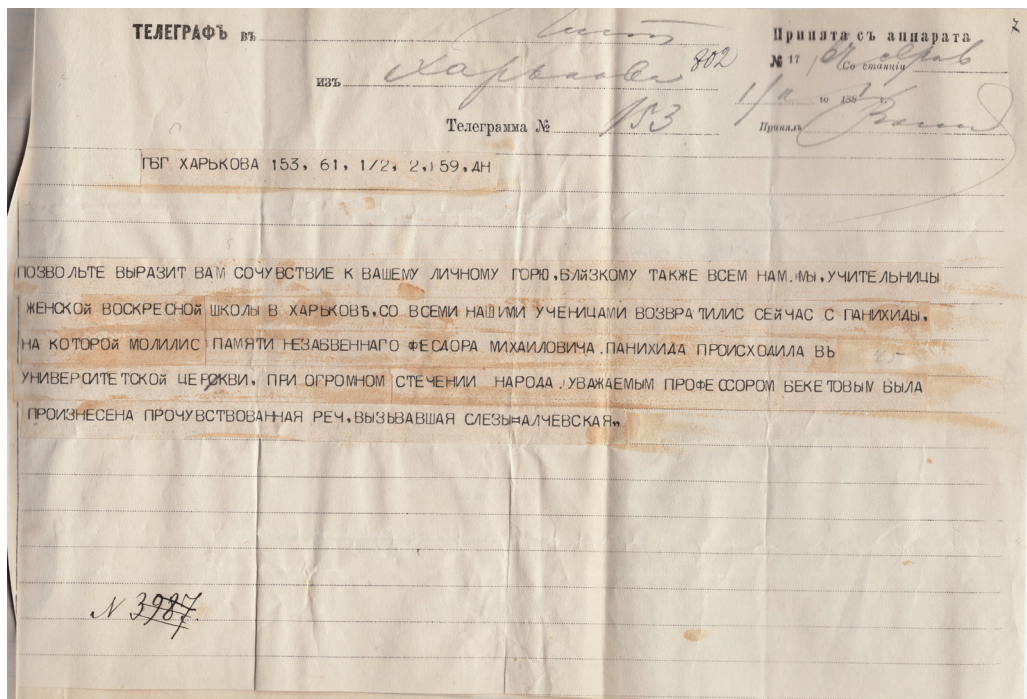
Илл. 36

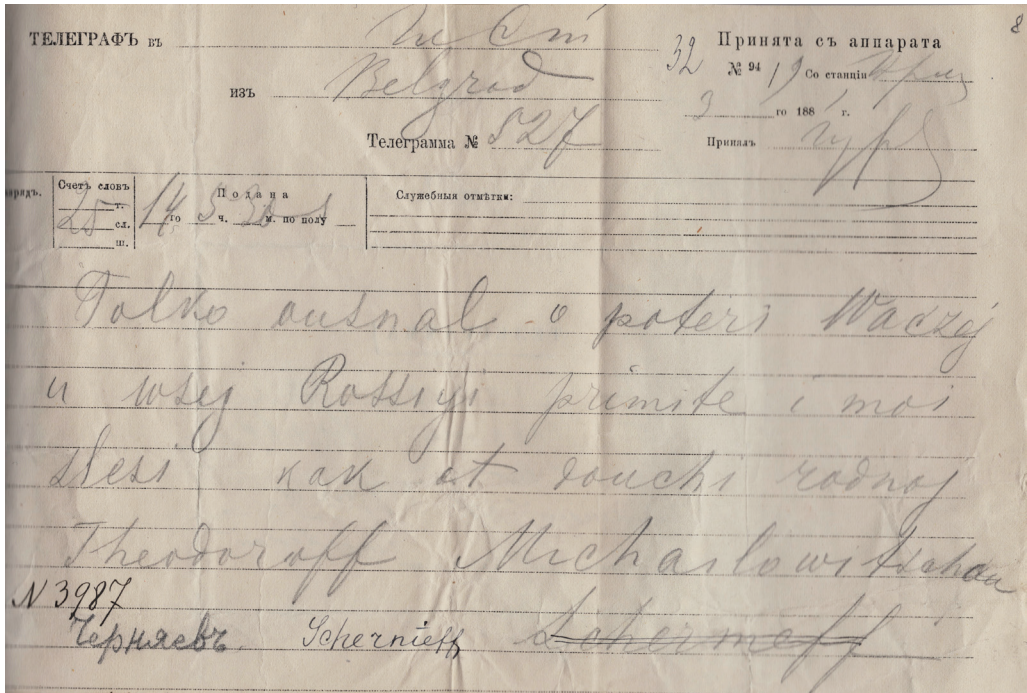
Илл. 4

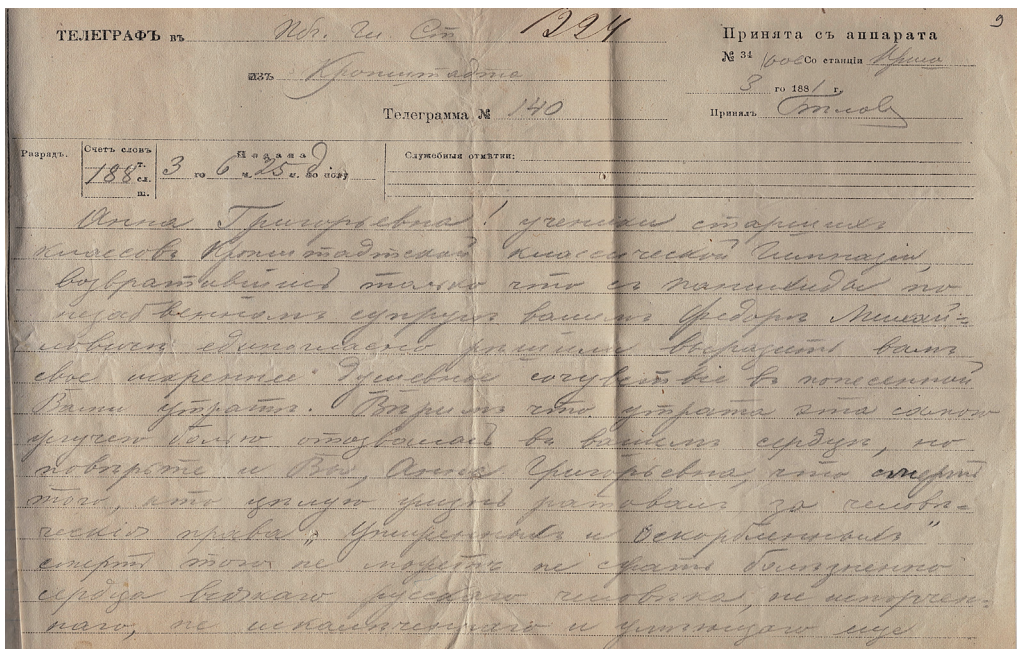
Илл. 5

Илл. 6

Илл. 7

Илл. 8а

ТЕЛЕГРАФЪ въ _____		Принята съ аппарата № 35 / Со станции _____	
ИЗЪ _____		го 188 г.	
Телеграмма № _____		Принята _____	
Разрядъ.	Счетъ словъ:	П о д а н а	Служебныя отвѣты:
т.	_____	го ч. м. по полу	_____
сд.	_____		
ш.	_____		

молоды и хороши соучастниковъ всему и столько, всему секретному. Тамъ же и много словныхъ, которыхъ еще несколько дней въ секретной такъ хороши, впрочемъ въ подростка-мудре полюбилъ пожелание, кто у него спрашивать его увлеченіе и соучастниковъ его стрессивнаго, кто предлаживая ему свѣтлую дорогу труда и истины, кто способенъ эту дорогу приоткрыть своей безудержной силой, напоитъ о томъ словомъ не удержитъ въ сердце своемъ русскія молодцы, въ сердце своемъ нашихъ. И когда наши друзья наши, наши научены этой науки, убеждаютъ

Илл. 86

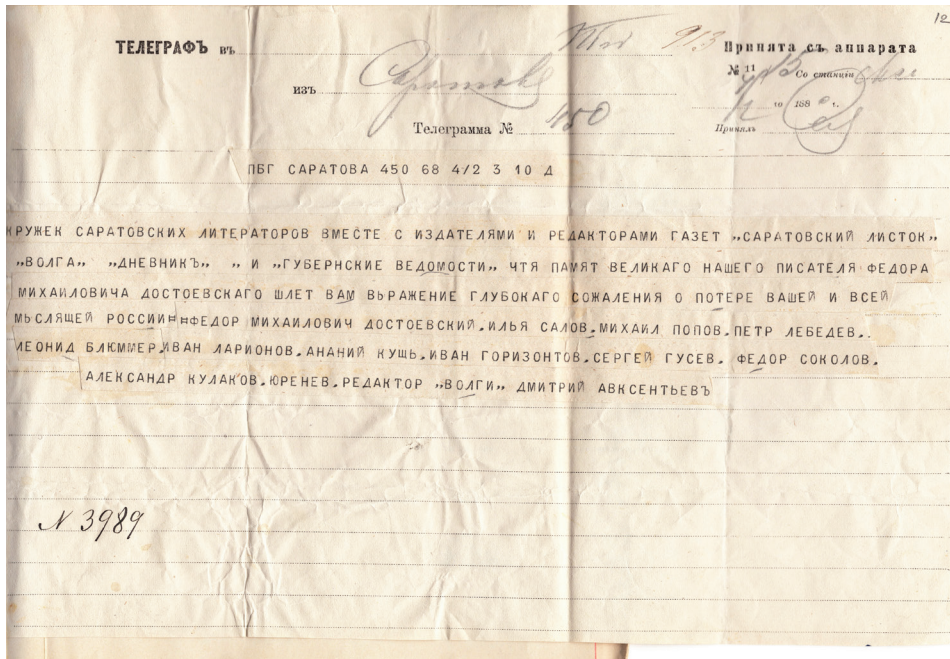
ТЕЛЕГРАФЪ въ _____		Принята съ аппарата № 36 / Со станции _____	
ИЗЪ _____		го 188 г.	
Телеграмма № _____		Принята _____	
Разрядъ.	Счетъ словъ:	П о д а н а	Служебныя отвѣты:
т.	_____	го ч. м. по полу	_____
сд.	_____		
ш.	_____		

и любилъ того, которому кто самъ самъ такъ хорошо и безудержно отдалъ себя. И такъ впрочемъ, кто наши друзья наши.

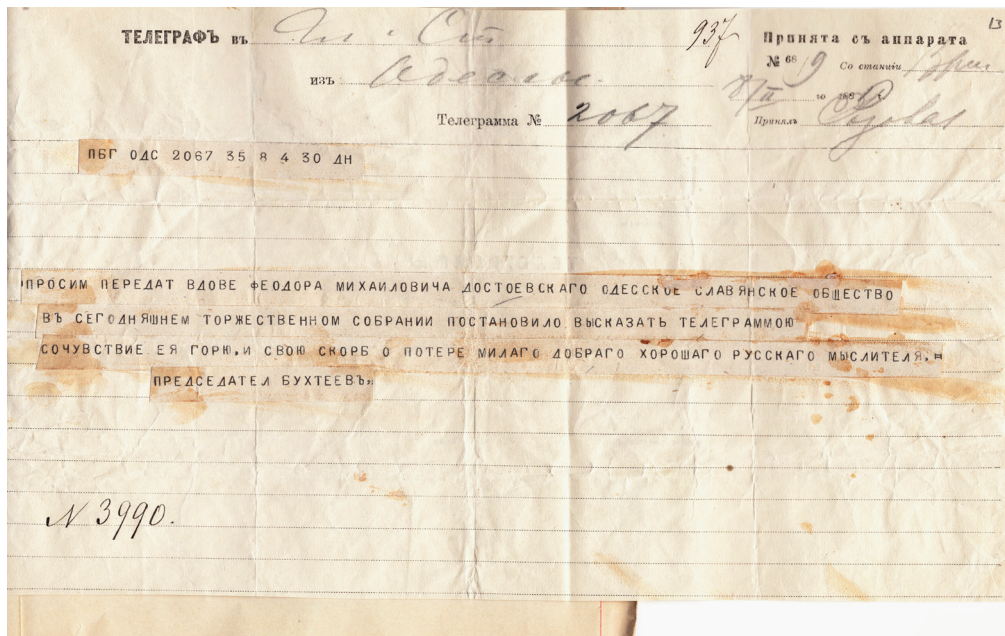
Отъ меня три старинныя классова
Всѣхъ старинныхъ М. Келузовъ
N 3988

Воспитанникомъ трехъ старинныхъ классовъ
скай гимназіи посылаетъ много благодарностей вѣдѣнъ
на выраженная имя соучастникъ полюбилъ секретныя много труда и
радуюсь, если съ соучастникъ или соединитъ идеалъ дружески
каждый научитъ и много и много на частира и трудовую
друзь. Лучшей напечатать и напечатать и напечатать и напечатать

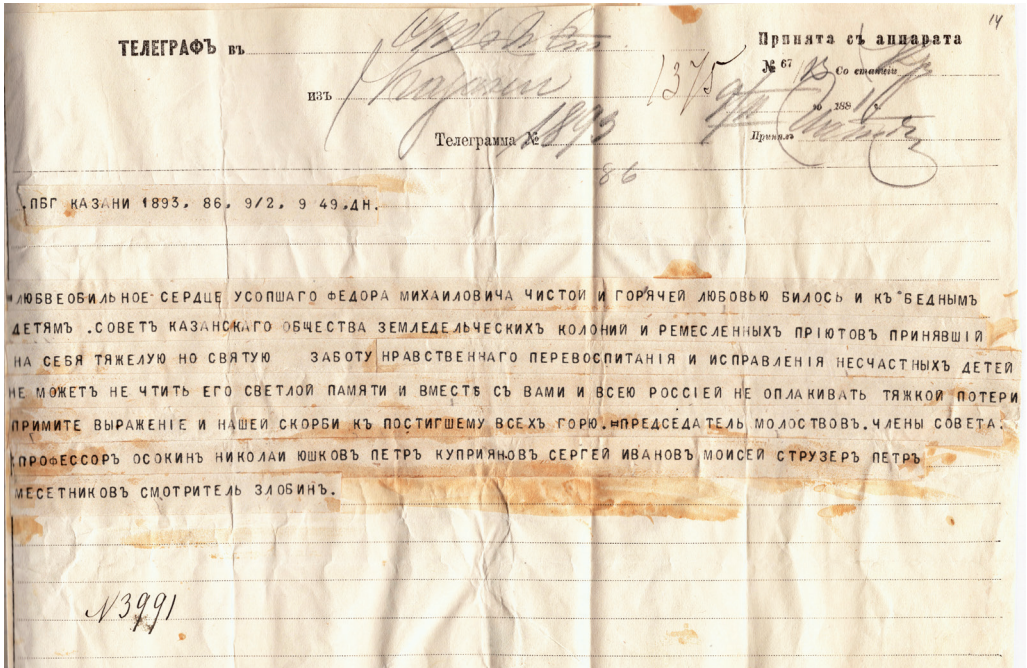
Илл. 8в

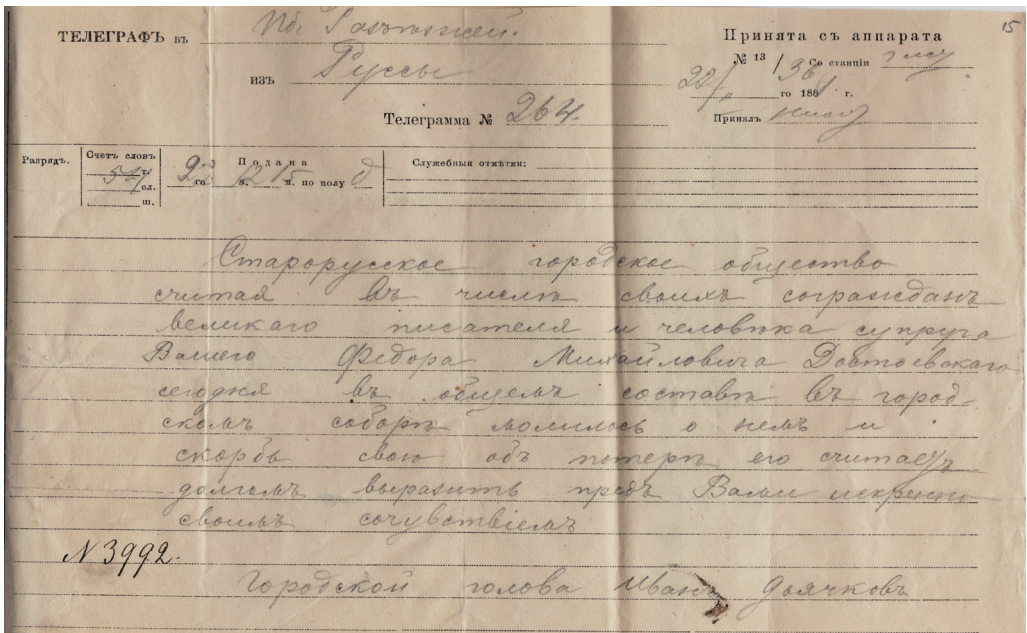
Илл. 9

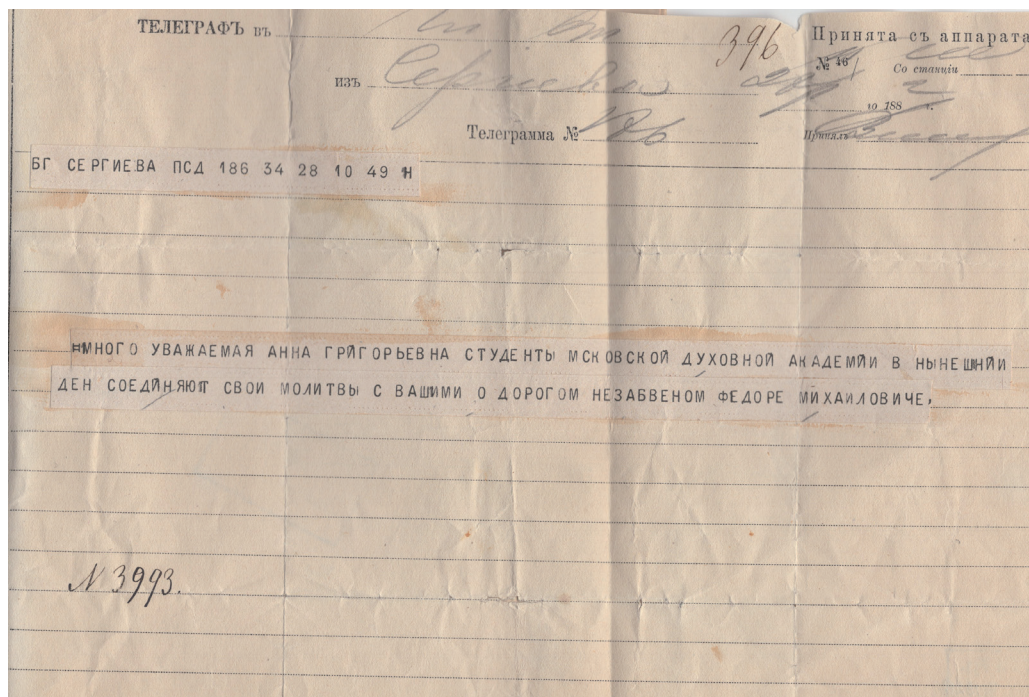
Илл. 10

Илл. 11

Илл. 12

Илл. 13

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Илл. 1. Внутренняя обложка (рукой А. Г. Достоевской).
- Илл. 2. Телеграмма Их Императорских Высочеств Великих Князей Сергея и Павла Александровичей. Из Рима, 7 февраля 1881 г.
- Илл. 3 (а, б). Телеграмма от лица всех студентов Московской духовной академии Иван Яхонтов. Из Сергиева Посада, 31 января 1881 г.
- Илл. 4. Телеграмма от харьковцев за подписью Сыхра. Из Харькова, 31 января 1881 г.
- Илл. 5. Телеграмма от преподавателей Тверской гимназии и Реального училища. Из Твери, 1 февраля 1881 г.
- Илл. 6. Телеграмма от Х. Д. Алчевской. Из Харькова, 1 февраля 1881 г.
- Илл. 7. Телеграмма от М. Гр. Черняева. Из Белграда, 2 февраля 1881 г.
- Илл. 8 (а, б, в). Телеграмма от лица трех старших классов Кронштадтской классической гимназии М. Кольцов. Из Кронштадта, 3 февраля 1881 г. С ответом А. Г. Достоевской.
- Илл. 9. Телеграмма от кружка Саратовских литераторов. Из Саратова, 4 февраля 1881 г.
- Илл. 10. Телеграмма от председателя Одесского Славянского общества Бухтеева. Из Одессы, 8 февраля 1881 г.
- Илл. 11. Телеграмма от Совета Казанского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Из Казани, 9 февраля 1881 г.
- Илл. 12. Телеграмма от городского головы Старорусского городского общества. Из Старой Руссы, 20 февраля 1881 г.
- Илл. 13. Телеграмма от студентов Московской духовной академии. Из Сергиева Посада, 28 января 1882 г.

DOI: 10.15393/j10.art.2018.3601

Ирина Святославовна Андрианова*кандидат филологических наук,
заведующая Web-лабораторией
Института филологии**Петрозаводского государственного университета
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

yarysheva@yandex.ru

«Я СВЯЗАНА С НЕЙ ПРОТИВ ЕЕ ЖЕЛАНИЯ»: О РАСШИФРОВКЕ Ц. М. ПОШЕМАНСКОЙ СТЕНОГРАФИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ*

Аннотация: В 2018 г. постановлением Министерства труда и социальной защиты была ликвидирована и ушла в историю профессия стенографиста в связи с ее невостребованностью. Исследователи творчества Достоевского хранят память о двух стенографистках — литературной сотруднице писателя А. Г. Достоевской и Ц. М. Пошеманской, скромной ленинградской стенографистке, сумевшей найти ключ к системе скорописи первой. В 1950–1970-е гг. Ц. М. Пошеманская открыла для общественности дневник А. Г. Достоевской за 1867 г., наброски к «Дневнику Писателя» и «Братьям Карамазовым», биографию Достоевского и некоторые другие страницы, застенографированные рукой помощницы писателя. Сведения, сохранившиеся к нашему времени о Ц. М. Пошеманской и ее масштабной многолетней работе во имя памяти Достоевского, скупы. В данной статье кратко описаны основные этапы профессионального пути ленинградской стенографистки. Некоторые дополнительные факты о жизни и трудах Ц. М. Пошеманской можно почерпнуть из документов, хранящихся в фонде историка-архивиста С. В. Житомирской (ф. 10239) из ГА РФ, — в первую очередь, из писем стенографистки к сотрудникам рукописного отдела Государственной библиотеки им. В. И. Ленина В. М. Федоровой и С. В. Житомирской. Публикуемые в данной статье письма Ц. М. Пошеманской к В. М. Федоровой, размещенные в Приложении, дают достаточно полное представление о методике работы ленинградской стенографистки и ставят задачу использования ее опыта при расшифровке стенограмм не только архива Достоевских, но и других исторических стенограмм.

Ключевые слова: Достоевский, Анна Достоевская, Ц. М. Пошеманская, С. В. Житомирская, В. М. Федорова, стенография, дневник, Государственный архив Российской Федерации

1 апреля 2018 года в России была ликвидирована профессия стенографиста. Министерство труда и социальной защиты посчитало ее не востребованной в современной жизни. Ушла в прошлое целая эпоха, завершилась 150-летняя история успешного практического применения стенографии в России.

В историю достоевсковедения вошли две стенографистки. «Стенографка моя»¹ — таким устаревшим теперь словом называл Достоевский свою литературную сотрудницу **Анну Григорьевну Сниткину**, ставшую затем его женой и работавшую с ним с осени 1866 г. и до конца жизни писателя (см.: [Андрианова, Сосновская]). Отметим, что в XIX в. в словах «стенограф» и «стенографка» ударение ставилось на третий слог². В 20-е гг. XX в. в процессе языковой динамики и русификации заимствований в существительном мужского рода ударение сместилось на второй слог: стенограф (так же,

как и в словах *литограф*, *лексикограф* и др.) [Валгина: 71], а существительное женского рода изменило форму на «стенографистка» (вероятно, по аналогии с другими популярными в советское время женскими профессиями — машинистка, телеграфистка, телефонистка).

Говоря о расшифровке записей жены Достоевского, называют имя стенографистки *Цецилии Мироновны Пошеманской*. «Я связана с ней против ее желания...»³, — написала 7 сентября 1877 г. ленинградская стенографистка об А. Г. Достоевской, просившей в завещании уничтожить ее стенографический дневник⁴. Стенографические книжки А. Г. Достоевской, пролежавшие около полувека в нерасшифрованном виде в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ), обратили на себя внимание исследователей в 1950-е гг. в связи с подготовкой научного описания автографов Достоевского. В рукописном отделе Института русской литературы (ИРЛИ) хранились другие стенографические записи жены писателя, вызывавшие интерес ученых. Их расшифровка считалась одной из труднейших литературных загадок, ведь система, по которой они были созданы, устарела, и не имелось специалистов, ею владеющих. Эта загадка сопоставлялась академиком М. П. Алексеевым — в 1950–1963 гг. заместителем директора Пушкинского Дома по научной работе — с дешифровкой письменности исчезнувшего народа майя⁵. Главный редактор готовящегося к изданию описания рукописей Достоевского В. С. Нечаева подсказала Ц. М. Пошеманской, как можно найти ключ к стенографической системе жены писателя: сопоставить часть текста дневника, расшифрованную самой Анной Григорьевной в 1894–1912 гг., и стенографические книжки. Воспользовавшись советом, скромная стенографистка Ленинградского бюро съездовых стенографов нашла ключ к системе скорописи А. Г. Достоевской и в 1950–1970-е гг. открыла для общественности не только дневник 20-летней девушки, в 1867 г. отправившейся за границу с мужем, но и другие документы, застенографированные рукой литературной помощницы писателя: наброски к «Дневнику Писателя» и «Братьям Карамазовым», черновики писем Ф. М. Достоевского к будущему императору Александру III, деловые и личные письма Анны Григорьевны к разным лицам, биографию Достоевского.

Об этом «подвиге», «самоотверженной работе» ленинградской стенографистки писали газеты и журналы⁶ — порой с патетикой, присущей советской прессе: «Я прощаюсь с Цецилией Мироновной, полный благодарности за чудесный труд, украшающий ее, скромную и такую обыкновенную советскую женщину...»⁷.

Несмотря на ее известность в 1950–1970-е гг., сведения, сохранившиеся к нашему времени об этой женщине, скупы (хотя память о ней хранят некоторые исследователи творчества Достоевского — В. Д. Рак, С. В. Белов, В. Н. Захаров, Н. В. Чернова и др.). Дополнительные факты о жизни и трудах Ц. М. Пошеманской можно почерпнуть из документов, хранящихся в фонде историка-архивиста С. В. Житомирской (ГА РФ. Ф. 10239⁸): из писем

стенографистки к сотрудникам рукописного отдела ГБЛ В. М. Федоровой и С. В. Житомирской и официальных документов. Подробных описаний своей работы по разбору стенограмм А. Г. Достоевской Пошеманская не оставила ни в интервью, ни в научных статьях. Однако своим ценным опытом расшифровки и результатами работы она делилась в письмах за 1957–1958 гг. к В. М. Федоровой — одной из старейших сотрудниц ГБЛ, принятой туда в 1930 году, и первой воспитаннице литературоведа и текстолога Е. Н. Коншиной (см. [Житомирская: 191]). Сохранилось шесть писем Ц. М. Пошеманской к В. М. Федоровой (авторизованная машинопись за подписью автора), публикуемых в *Приложении* к данной статье.

В книгах А. М. Юрковского, исследователя истории стенографии, фамилия ленинградской стенографистки указана неправильно как «Пошемьянская» [Юрковский, 1965: 30–31], [Юрковский, 1969: 157], что повлекло за собой подобную ошибку и в трудах современных исследователей (см., напр.: [Рогов, Скабин, Штеркель: 230]). В мемуарах С. В. Житомирской, являвшейся заведующей Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР в период с 1952 по 1978 гг., отмечено, что настоящее отчество Пошеманской — *Моисеевна* [Житомирская: 474]. Этому свидетельству можно доверять: С. В. Житомирская и Ц. М. Пошеманская, готовя к публикации дневник А. Г. Достоевской, тесно общались в 1960–1980-е гг. Тем не менее в личном деле ленинградской стенографистки, хранящемся в фонде Санкт-Петербургского филиала Института языкознания АН СССР, ее имя записано как «Пошеманская Цецилия Мироновна» (Архив РАН. Ф. 77, оп. 005, д. 408). Дата ее рождения — 15 июля 1904 г. Дата смерти точно неизвестна — после 1991 г.: последний документ с упоминанием о гонораре для Ц. М. Пошеманской, хранящийся в архиве С. В. Житомирской, датирован 21 января 1991 года⁹.

Стенографии Пошеманская обучилась на курсах в 1931 г. «В те годы еще была у нас безработица, а машинисткам и стенографисткам найти работу было немного легче», — вспоминала Цецилия Мироновна в интервью журналистке Н. В. Гречук¹⁰. Какой именно системой из множества существовавших в начале XX в. Пошеманская овладела — неизвестно: с одной стороны, это не была система Ф. К. Габельсбергера, по которой стенографировала жена Достоевского, но и не государственная единая система стенографии (ГЕСС), разработанная Н. Н. Соколовым и принятая после 1931 г., а именно — 10 июня 1933 г.

Короткий период — с 4 мая по 1 июня 1941 г. — Ц. М. Пошеманская была сотрудником Института языка и мышления им. Н. Я. Марра (с 1952 по 1991 г. Ленинградское отделение Института языкознания, ныне — Институт лингвистических исследований), но большую часть жизни посвятила работе в Ленинградском бюро съездовых стенографов¹¹.

3 апреля 1957 г. она писала В. М. Федоровой: «Я работаю в Бюро съездовых стенографов (Ленинград, Владимирский, 14), — это государственное учреждение, которое обслуживает стенографированием различные предприятия,

учреждения, научно-исследовательские институты, райкомы, исполкомы и другие самые разнообразные учреждения Ленинграда и области, поэтому работы всегда чрезмерно много, приходится работать по 12 часов в день и даже больше. Правда, в летние месяцы работы гораздо меньше»¹².

Такая предельная нагрузка на основной работе вынудила Пошеманскую перед началом расшифровки дневника Достоевской просить отдел рукописей ГБЛ «ходатайствовать через какое-либо высшее учреждение об освобождении <...> хотя бы от половины обязательной к выполнению нормы стенографических часов»¹³. Цецилия Мироновна оговорила и оплату масштабного труда над расшифровкой дневника, сославшись на обычно хорошее вознаграждение за ее стенографический труд:

«Для ориентировки сообщаю, что я работаю на сдельной оплате и моя средняя зарплата (что могу подтвердить документом бухгалтерии), составляет 1500 рублей в месяц. Для ГБЛ я могла бы работать в ИРЛИ три или два дня в неделю — по согласованию с Вами. Следовательно, оплата за работу по расшифровке “Дневника” должна была бы составлять, соответственно, примерно, 500–700 р. в месяц. В эту сумму будет входить, кроме оплаты за работу в Рукописном отделе непосредственно, еще и работа дома над отдельными особо трудными для прочтения словами, встречающимися в рукописи — неразборчиво написанными, со стершимися знаками, (поскольку запись была сделана карандашом более 90 лет тому назад), очень сокращенными словами и т. п. Их надо копировать с большой точностью в тетрадь для работы над ними дома, поскольку самой рукописи я домой получить не могу; затем еще работа дома по перепечатке на машинке расшифрованных стенографических материалов»¹⁴.

Договоренность с руководством бюро съездовых стенографов и отделом рукописей ГБЛ была достигнута, и Пошеманская имела возможность три раза в неделю с 9 до 18 часов работать в рукописном отделе Института русской литературы с оригиналами стенографических книжек, пересланными из ГБЛ (позднее, расшифровывая наброски к «Братьям Карамазовым», она уже пользовалась фотокопиями и трудилась над стенограммами в домашних условиях). «Едва начав это исследование, — вспоминала Цецилия Мироновна, — я так им увлекалась, что уже оторваться от него, отказаться не могла. Эта работа захватила меня целиком»¹⁵.

Особенности своей кропотливой и многоэтапной работы по расшифровке дневника жены Достоевского Ц. М. Пошеманская описала в письмах к В. М. Федоровой от 6 января 1958 г. и от 28 января 1959 г. После первого страха и неуверенности в своих возможностях ленинградская стенографистка смогла выработать методику расшифровки, в результате которой «стали вырисовываться слова и складываться фразы»:

«Метод моей работы такой:

1) Чтение стенографической записи и дословная расшифровка от руки в тетрадь.

Для слов, которые мне не удастся прочесть сразу (или даже при неоднократном перечитывании) я оставляю свободные места в тексте и отмечаю в сноске: «слово не разобрано», или «неразборчиво переправленное», или «залито клеем» и т. п.

2) Параллельно с этой основной работой по расшифровке записной книжки Женевского периода (сентябрь-декабрь 1867 г.), я производжу сличение записей, содержащихся во второй записной книжке, с соответствующими записями опубликованного в 1923 г. «Дневника А. Г. Достоевской». (Эта записная книжка содержит материал, соответствующий 192 страницам опубликованного текста).

Это мне нужно для того, чтобы выявить и ознакомиться с особыми, придуманными Анной Григорьевной, и применявшимися ею сокращениями слов, которых, естественно, не могло быть в изучавшемся мною «Руководстве». Для этой цели я выписала из библиотеки ИРЛИ «Дневник А. Г. Достоевской».

3) Следующий этап работы — перепечатка расшифрованного материала на машинке (с пропусками отдельных непрочитанных слов).

4) После перепечатки сверить со стенографической записью, по возможности останавливаясь на пропусках и пытаюсь прочесть не прочитанные еще слова.

5) Окончательная перепечатка всего материала¹⁶.

Пошеманская периодически сообщала в ГБЛ о результатах своей работы и присылала В. М. Федоровой отрывки из расшифрованного текста. Интересно, что эти, первоначальные ее расшифровки не во всем совпадают с окончательным текстом, опубликованным в издании 1993 года под редакцией С. В. Житомирской (М.: Наука, серия «Литературные памятники»).

Первоначальный вариант	Окончательный вариант
Итти я решилаь однако часу в первом, но раньше решила сходить на почту и узнать, нет ли писем , не пришли ли деньги от Яновского.	Идти я решилаь эдак часу в первом, не раньше. Но прежде решила сходить на почту и узнать, нет ли письма , не пришли ли деньги от Яновского.
Сегодня Федя занимался переписыванием своей статьи и очень много что вычеркнул или переменял...	Сегодня Федя занимался пересмотром своей статьи и очень много что вычеркнул или переменял...

<p>...иногда мы ругаемся, особенно я, называю его дураком, но... разгорячась, так что и он понимает, что я его не желаю обидеть, то рассмеется в ответ, то как-нибудь обругает.</p>	<p>...иногда мы ругаемся, особенно я называю его дураком, но сейчас расхохочусь, так что и он, понимая, что я его не желаю обидеть, тоже рассмеется, и в ответ тоже как-нибудь обругает.</p>
---	---

Разночтения и уточнения указывают на добросовестность Ц. М. Пошеманской: она не раз писала о своем ответственном подходе к расшифровке: «...я <...> со своей стороны употреблю все усилия, чтобы выполнить ее с максимальной тщательностью»¹⁷, «...хотелось бы, чтобы текст был максимально полон и точен <...> даже при опущении “и”, “а” и т. п. местами пропадает колорит письма автора»¹⁸. Разночтения между первоначальной версией расшифровки дневника и окончательной подтверждают то, что стенографическая система Ф. К. Габельсбергера в обработке П. М. Ольхина, которой владела А. Г. Достоевская, являлась чрезвычайно сложной и запутанной, полной омографов, страдающей прямой зависимостью от контекста всего предложения и в этом отношении свободной.

При участии Ц. М. Пошеманской заговорили «мертвые страницы дневников»¹⁹. Ее труд по расшифровке стенограмм А. Г. Достоевской признан исследователями и поклонниками творчества великого русского писателя.

Публикуемые письма дают достаточно полное представление о методике работы Ц. М. Пошеманской и ставят задачу использования ее ценного опыта при расшифровке стенограмм не только архива Достоевских, но и других исторических стенограмм.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект «Стенографические записи А. Г. Достоевской: Новые материалы и исследования», № 17-34-01075-ОГН а2.

- ¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 182.
- ² Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. IV. С. 330.
- ³ Пошеманская Ц. М. Письмо к С. В. Житомирской // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281.
- ⁴ Достоевская А. Г. Записная тетрадь с заголовком: «Объяснения домашних дел и указания, сделанные А. Г. Достоевской на случай ее смерти или тяжелой болезни, в марте 1902 года и в последующие годы» (1902–1911) // РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 224. Л. 47.
- ⁵ Как вспоминала Ц. М. Пошеманская в 1970 г. в интервью петербургской журналистке Н. Гречук: «...академик Михаил Павлович Алексеев показывал листки Достоевской нескольким опытным стенографисткам — они отказались взяться за эту работу. Поначалу не согласилась и я: была уверена, что расшифровка этих записей — дело непосильное и, главное, безрезультатное... В ответ на это Михаил Павлович напомнил мне историю с письменностью маяя — тоже ведь не предполагали, что она когда-нибудь заговорит...» — «Для меня — самая интересная!» (Воскресный гость «Смены» — стенографистка Цецилия Мироновна Пошеманская) [беседу вела Н. Гречук] // Смена. 1970. №302 (27 декабря). С. 2.

- 6 См., напр.: Аренин Эл. Подвиг стенографистки // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1959. № 130 (13057). 3 июня. С. 4; «Для меня — самая интересная!» (Воскресный гость «Смены» — стенографистка Цецилия Мироновна Пошеманская) [беседу вела Н. Гречук] // Смена. 1970. №302 (27 декабря). С. 2; Мар Н. Как были расшифрованы записные книжки А. Г. Достоевской // Литературная газета. 1971. №47 (17 ноября). С. 4; Житомирская С. Женевский дневник // Литературная газета. 1972. №33 (16 августа). С. 7; Ланский Л. Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской // Наука и жизнь. 1974. №7. С. 104–106.
- 7 Аренин Эл. Подвиг стенографистки // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1959. № 130 (13057). 3 июня. С. 4
- 8 Автор статьи выражает глубокую признательность сотрудникам Государственного архива Российской Федерации Ф. И. Мелентьеву, Н. С. Зелову и Л. И. Кулагину за предоставление ксерокопий документов из фонда С. В. Житомирской (ф. 10239).
- 9 Балашов Н. И., Птушкина И. Г. (члены редколлегии серии «Литературные памятники»). Письмо к директору издательства «Наука» С. А. Чибиряеву о заключении договора на книгу «А. Г. Достоевская. Дневник 1867 года» с С. В. Житомирской, Ц. М. Пошеманской, А. Л. Гришуниним // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281.
- 10 «Для меня — самая интересная!» (Воскресный гость «Смены» — стенографистка Цецилия Мироновна Пошеманская) [беседу вела Н. Гречук] // Смена. 1970. №302 (27 декабря). С. 2. Это единственное интервью с Ц. М. Пошеманской взяла Н. В. Гречук. Со временем она стала известной в Санкт-Петербурге журналисткой, а спустя 45 лет после данного интервью выпустила книгу «Петербург. События и лица. История города в фотографиях Карла Буллы и его современников». Одна из ее глав — «Рассказ о двух стенографистках» — написана на основе данного интервью в «Смене» и посвящена А. Г. Достоевской и Ц. М. Пошеманской [Гречук].
- 11 В 1970-е годы после выхода на пенсию Пошеманская вела в активный образ жизни, посещала группу здоровья, мечтала «дожить и до выхода из печати “Дневника” и до отдельной квартиры» (Пошеманская Ц. М. Письмо к Житомирской С. В. От 12 декабря <1975> // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281). Стенографистка входила в категорию женщин-фронтовиков и в связи с этим в 1977 г. получила 1-комнатную квартиру на Московском проспекте Санкт-Петербурга, переехав в нее с Лиговского проспекта (В справочниках «Весь Петербург» начала XX в. и книге А. Ф. Векслера и Т. Я. Крашенинниковой «Такая удивительная Лиговка» отмечено, что на Лиговском проспекте содержали легковой извоз Пошеманские [Векслер, Крашенинникова]. Возможно, это были родственники стенографистки).
- 12 Пошеманская Ц. М. Письмо к В. М. Федоровой. От 3 апреля 1957 г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 202.
- 13 Там же.
- 14 Пошеманская Ц. М. Письмо к В. М. Федоровой. От 21 декабря 1957 г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 202.
- 15 «Для меня — самая интересная!» С. 2.
- 16 Пошеманская Ц. М. Письмо к В. М. Федоровой. От 6 января 1958 г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 202.
- 17 Пошеманская Ц. М. Письмо к В. М. Федоровой. От 25 декабря 1957 г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 202.
- 18 Пошеманская Ц. М. Письмо к С. В. Житомирской. От 9 октября 1975 г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281.
- 19 «Для меня — самая интересная!» С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова И. С., Сосновская О. А. Стенографическая система Анны Достоевской: проблема дешифровки // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. — №1. — С. 43–67. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (20.04.2018).
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2001. — 302 с.
3. Векслер А. Ф., Крашенинникова Т. Я. Такая удивительная Лиговка. — М.: СПб.: Центрполиграф Русская тройка-СПб, 2012. — 590 с.
4. Гречук Н. В. Петербург. События и лица: история города в фотографиях Карла Буллы и его современников. — М.; СПб.: Центрполиграф Русская тройка-СПб, 2015. — 477 с.
5. Длусский С. М. Что такое стенография? Значение ее в историческом, общественном и педагогическом отношениях. — СПб.: Д. Ф. Федоров, 1874. — 32 с.
6. Житомирская С. В. Просто жизнь. — М.: РОССПЭН, 2006. — 599 с.
7. Рогов А. А., Скабин А. В., Штеркель И. А. О дешифровке рукописных исторических документов // *Информационные технологии и письменное наследие*. — Петрозаводск, 2012. — С. 230–233.
8. Юрковский А. М. Изучай стенографию! — М.: Просвещение, 1965. — 94 с.
9. Юрковский А. М. Стенография сквозь века: Очерки по истории стенографии. — М.: Книга, 1969. — 163 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Письма Ц. М. Пошеманской к В. М. Федоровой
3 апреля 1957 г. — 8 апреля 1958 г.**

Источник текстов: ГА РФ. Ф. 10239 (С. В. Житомирская). Оп. 1. Д. 202.

Публикуются впервые.

К письмам приложены шесть конвертов с надписями одинакового содержания:

Куда МОСКВА Г-48

МАЛАЯ ПИРОГОВСКАЯ д. 3/6 кв. 30

Кому ФЕДОРОВОЙ

Вере Михайловне

Адрес отправителя: Ленинград,

Лиговский пр. № 275 кв. 12

Пошеманская Ц. М.

Страницы писем пронумерованы И. С. Андриановой.

Тексты писем публикуются в соответствии с орфографией и пунктуацией оригиналов.

Подготовка к публикации И. С. Андриановой, Е. Н. Вяль.

<1>

Уважаемая Вера Михайловна!

Я получила Ваше письмо и фотокопию письма А. Г., расшифровку последних двух строк которой прилагаю. Неразобранные три слова, возможно, могли бы быть прочитаны, если я могла бы систематически работать над материалами А. Г., находящимися в ИРЛИ, как я это делала осенью и частично зимой, когда была меньше занята на своей работе.

Только при тщательном изучении написания отдельных слов А. Г., выходя к ее почерку, находя аналогичное написание того же слова в другом материале, можно подтвердить правильность расшифровки трудно поддающихся расшифровке слов.

Но я вот уже два месяца не имею возможности работать в ИРЛИ, чтобы закончить там расшифровку. Причина – предельная нагрузка на своей работе.

Я работаю в Бюро съездовых стенографов (Ленинград, Владимирский, 14), это государственное учреждение, которое обслуживает стенографированием различные предприятия, учреждения, научно-исследовательские институты, райкомы, исполкомы и другие самые разнообразные учреждения Ленинграда и области, поэтому работы всегда чрезмерно много, приходится работать по 12 часов в день и даже больше. Правда, в летние месяцы работы гораздо меньше.

Я пишу это к тому, чтобы сказать, что в настоящих условиях, к сожалению, не могу принять Ваше предложение о расшифровке дневниковой тетради, находящейся у Вас, хотя очень хотела бы заняться этой работой.

Как изменить условия, чтобы я смогла этой работой заняться? Может быть следовало бы ходатайствовать через какое-либо высшее учреждение об освобождении меня для этой работы, т. е. конкретно я просила бы освободить меня хотя бы от <с. 1> половины обязательной к выполнению нормы стенографических часов. Тогда я могла бы хотя бы 3 раза в неделю неотрывно (это главное) работать в ИРЛИ, куда Вы могли бы переслать дневниковую тетрадь № 1. Мое же непосредственное начальство (заведующая Бюро) не пойдет навстречу ни мне, ни Вам, т. к. не захочет добровольно (хотя бы и временно) лишиться работника.

Следующая инстанция — Управление Культуры Исполкома Ленгорсовета, куда входит наше Бюро съездовых стенографов, начальнику которого подчиняется моя заведующая. Еще выше — Министерство Культуры. Как действовать, предоставляю выбор Вам.

Повторяю, минимальные возможные для меня условия начать эту работу, это дать мне половину нормы стенографических часов в месяц на время

выполнения этой работы и полное отключение от всякого рода общественных нагрузок, которые поглощают тоже много времени.

Сколько времени займет расшифровка этой дневниковой тетради сейчас сказать невозможно, может быть ряд месяцев, тем более, что объем работы составит, примерно, 100–150 страниц на машинке. Точнее относительно времени, которое займет эта работа я сказала бы после того, как начала бы работу. Дело в том, что не все в почерке А. Г. читается легко, есть неясно написанные слова, сильно сокращенные, неразборчивые вообще, стершиеся начертания. Написано карандашом, очень мелко, да еще поперек книги и без линеек, а линия строки в этой системе имеет значение.

Кроме того, естественно, что при первом чтении будут неп прочитанные отдельные слова и придется читать неоднократно, чтобы восстановить пропуски.

Прилагаю примеры прочтения отрывков из этой дневниковой тетради, с пропусками отдельных неп прочитанных слов.

Уважающая Вас

Ц. Пошеманская

3/IV-57 <с. 2>

Я попыталась начать читать материал из тетради № 1, стенографические записи за период с августа по декабрь 1867 г. по-видимому неопубликованные, и это мне удалось. Я стала читать иногда с небольшими пропусками отдельных слов, что, возможно, будет восстановлено при перечитывании.

Среда 29–18. Встала я сегодня ужасно грустная и ужасно горевала о том, что мне придется сегодня непременно итти к одной портнихе закладывать у нее мою кружевную мантилью. Господи! Как мне этого не хотелось, мне кажется, я готова была просидеть голодом 3 дня, есть только один хлеб, чем итти опять кланяться, чтобы дали какие-нибудь 40 франков, да вряд ли и это дадут, тем более, я ведь ничего в этом не понимаю. Хотели тогда взять ее за 20 франков. Как это мне было тяжело итти, один бог только это знает. Итти я решила однако часу в первом, но раньше решила сходить на почту и узнать, нет ли писем, не пришли ли деньги от Яновского. Отправилась я и всю дорогу молилась и плакала, мне была до крайности... мысль, что мне придется итти и закладывать, так мне было совестно перед нею. Эти дураки непременно подумают, что я действительно так бедна, что мне так непременно нужны деньги, и, пожалуй, вздумали бы продать мои платья. Я всю дорогу молилась и просила у Бога помочь мне.

На почте мне сказали, что есть посылка, но что надо, чтобы пришел мой муж. Я была так этому рада, просто ужасно, чуть ли не бегом шла домой и придя домой сказала Феде, что что-то пришло...

Федя пил чай, поскорее допил и отправился на почту, чтобы скорее взять, что на его имя пришло...

Когда он ушел, я ужасно боялась, чтобы не пришло просто одно рекомендованное письмо с отказом в деньгах. Это было бы просто ужасно, особенно в нашем положении. Денег нет, осталась одна надежда на заклад мантильи, а тут еще отказ...

Федя довольно скоро пришел, сказал, что это письмо от Яновского, что он был так добр, что прислал не 75, 50, как Федя у него просил, а 100 рублей. Как я была благодарна этому человеку. Вот уж именно спас нас, вот уж именно помог в такую минуту, когда у нас решительно ничего не было, а главное, меня избавил от страшной необходимости итти просить денег... Господи, как это хорошо, что письмо застало его, иначе оно пролежало бы... и только тогда он мог собраться послать к нам.

Федя не заходил разменять, а торопил меня одеться, чтобы итти разменять вместе деньги. Мы отправились, зашли к Paravin<> где я обыкновенно меняю деньги. Но выдали не 336, как я предполагала, а 334 франка, сильно понизился курс.

Проходили мимо сапожного мастера и Федя припомнил, что у него сапоги ужасно драные, и мы тут решили непременно купить ему новые. Федя пришел нынче вот к какому... нужно купить, пока деньги есть, а то деньги выйдут, и не будет ни денег, ни одежды. Вот если бы он всегда так руководствовался этой мыслью, то, правда, я бы была очень хорошо одета и у него были бы часы, а то... у нас 300 франков, считаем себя бедняками и говорим, что <с. 3> денег у нас нет, а когда действительно нет денег, то рады ужасно 10 франкам и считаем, что у нас все еще деньги есть.

Зашли к сапожнику, Федя выбрал сапоги (здесь торговала дама, я ужасно не люблю магазина, где продают дамы, а особенно сапожного, это же совершенно неприлично для женщины)...

Четверг 26–14. ...Сегодня Федя занимался переписыванием своей статьи и очень много что вычеркнул или переменял, так что после обеда он предложил мне переписать, по крайней мере, 20 страниц. Просил, чтобы это было готово к завтра, потому что он думает завтра послать статью в Москву... Я переписала несколько страниц, но остальное оставила до завтра, а сама весь вечер читала *Corricolo*.

Федя нынче со мною очень нежен, добр, у нас всегда так мирно; иногда мы ругаемся, особенно я, называю его дураком, но... разгорячась, так что и он понимает, что я его не желаю обидеть, то рассмеется в ответ, то как-нибудь обругает. У Феде страшно болит левая рука, так что он решительно не знает, что с нею и делать. Сегодня 5 месяцев, как мы уехали из России. <с. 4>

<2>

Глубокоуважаемая Вера Михайловна!

Зав. Бюро съездовых стенографов (где я работаю), сообщила мне о получении Вашего письма в Управлении культуры с запросом о разрешении мне работать в Рукописном отделе ИРЛИ по заданию ГБЛ, и что Вам должны были дать положительный ответ.

Вы, вероятно, считаете, Вера Михайловна, что я давно уже начала эту работу, так как, помнится, когда мы с Вами беседовали в ГБЛ, я сказала, что когда начну эту работу, тогда дам Вам знать как она у меня пойдет. К сожалению, до сих пор я не имела ни малейшей возможности начать работу по расшифровке «Дневника» Анны Григорьевны.

Теперь, имея принципиальное согласие моего ленинградского начальства, я могла бы безотлагательно приступить к этой работе с января. Но предварительно хотела бы знать в какой форме будет производиться компенсация времени, которое я буду затрачивать на эту работу.

Для ориентировки сообщаю, что я работаю на сдельной оплате и моя средняя зарплата (что могу подтвердить документом бухгалтерии), составляет 1500 рублей в месяц.

Для ГБЛ я могла бы работать в ИРЛИ три или два дня в неделю — по согласованию с Вами. Следовательно, оплата за работу по расшифровке «Дневника» должна была бы составлять, соответственно, примерно, 500–700 р. в месяц.

В эту сумму будет входить, кроме оплаты за работу в Рукописном отделе непосредственно, еще и работа дома над отдельными особо трудными для прочтения словами, встречающимися в рукописи – неразборчиво написанными, со стершимися знаками, <с. 5> (поскольку запись была сделана карандашом более 90 лет тому назад), очень сокращенными словами и т. п. Их надо копировать с большой точностью в тетрадь для работы над ними дома, поскольку самой рукописи я домой получить не могу; затем еще работа дома по перепечатке на машинке расшифрованных стенографических материалов.

Я затрудняюсь сказать, сколько времени займет работа по расшифровке «Дневника» Анны Григорьевны, так как я к этой работе еще не приступила. Если начну в январе (а это теперь зависит лишь от Вас), то с февраля, и дальше каждый месяц я буду информировать Вас как идет эта работа.

Возможно, что у Вас будут другие соображения в отношении условий работы, поэтому прошу Вас, Вера Михайловна, в любом случае, как можно скорее дать мне ответ с тем, чтобы я могла заранее спланировать всю свою работу в январе.

Уважающая Вас

Ц. Пошеманская

Прилагаю расшифрованное (теперь уже полностью) письмо с присланной Вами фотокопии.

21/ХІІ-57 <с. 6>

<3>

Дорогая Вера Михайловна, благодарю Вас за теплое письмо и добрые пожелания в нем; кстати, я его получила 21 числа во второй половине дня, — но еще утром того же дня отправила Вам подробное письмо.

Я очень рада, что основной вопрос разрешен и я теперь имею возможность не урывками, в ущерб своей работе (а теперь и это было бы исключено, потому что конференций и совещаний всякого рода катастрофически много), — а два-три раза в неделю, с 9 до 18 часов, не отрываясь для другой работы, спокойно заниматься в Рукописном отделе Института литературы.

Благодарю Вас, Вера Михайловна, за желание мне помочь. Я не буду Вас беспокоить без крайней необходимости.

Хотелось бы сказать, что я со всей ответственностью отношусь к этой работе и со своей стороны употребляю все усилия, чтобы выполнить ее с максимальной тщательностью. О результатах буду Вам сообщать.

Примите мои новогодние поздравления,
с пожеланием здоровья и всякого благополучия

Ц. Пошеманская

25/ХІІ <с. 7>

<4>

Добрый день, Вера Михайловна, я хочу сообщить Вам предварительные результаты первых дней моей работы.

2 января я открыла первую страничку Дневника и упала духом, увидев едва обозначенные карандашные бисерные знаки в записной книжке, и даже подумала, не безрассудно ли было с моей стороны браться за это?

Однако понемногу стали вырисовываться слова и складываться фразы. Я стала читать, правда, с пропусками отдельных, пока не прочитанных, слов. В первый день я осилила 4 странички стенографического текста, что соответствует, примерно, 5 страницам напечатанным на машинке. Работала с 10 до 17.30.

3/1 прочитала 6 страничек стенографического текста, т. е. примерно 7–8 страниц машинописных, причем я возвращалась к прочитанному накануне с тем, чтобы восстановить некоторые пропуски. Работала с 10 до 17.30.

4/1 (суббота) работала с 10-16 и прочла примерно 9 машинописных страниц, т. е. больше чем в предыдущие дни. Это объясняю тем, что я уже вчиталась в систему.

Итого за 3 дня я прочитала 6 дневниковых записей (т. е. записей за 6 дней) или 18 нумерованных страничек Дневника, что соответствует, примерно, 22 страницам машинописным.

Метод моей работы такой:

1) Чтение стенографической записи и дословная расшифровка от руки в тетрадь.

Для слов, которые мне не удастся прочесть сразу (или даже при неоднократном перечитывании) я оставляю свободные места в тексте и отмечаю в сноске: «слово не разобрано», или «неразборчиво переправленное», или «залито клеем» и т. п. <с. 8>

2) Параллельно с этой основной работой по расшифровке записной книжки Женевского периода (сентябрь-декабрь 1867 г.), я произвожу сравнение записей, содержащихся во второй записной книжке, с соответствующими записями опубликованного в 1923 г. «Дневника А. Г. Достоевской». (Эта записная книжка содержит материал, соответствующий 192 страницам опубликованного текста).

Это мне нужно для того, чтобы выявить и ознакомиться с особыми, придуманными Анной Григорьевной, и применявшимися ею сокращениями слов, которых, естественно, не могло быть в изучавшемся мною «Руководстве». Для этой цели я выписала из библиотеки ИРЛИ «Дневник А. Г. Достоевской».

3) Следующий этап работы – перепечатка расшифрованного материала на машинке (с пропусками отдельных непрочитанных слов).

4) После перепечатки сверить со стенографической записью, по возможности останавливаясь на пропусках и пытаюсь прочесть не прочитанные еще слова.

5) Окончательная перепечатка всего материала.

Ориентировочный план моей работы такой:

Всего Дневник (одна книжка) содержит 250 страничек стенографического текста. Каждая страничка соответствует $1\frac{1}{4}$ страницам машинки. Таким образом, если мне удастся все прочесть, то общий объем расшифрованного и перепечатанного материала составит около 300 страниц машинописного текста.

Если учесть, что в день я могу расшифровать, примерно 5–6 страниц стенографического текста, то можно предположить, что длительность работы при первом прочтении составит около <с. 9> 40–50 рабочих дней. Это так называемая черновая работа.

После этого необходимо затратить некоторое время на выверку текста и возвращение к отдельным непрочитанным словам с тем, чтобы заполнить пропуски слов.

Опыт работы над архивными стенографическими материалами А. Г. в Институте Литературы показал, что при неоднократном прочтывании удается восстановить часть непрочитанных слов, во всяком случае, свести их к минимуму.

Правда, в данном случае работа осложняется тем, что запись сделана в записной книжке без линеек, причем она исписана поперек страничек и очень мелко (материалы, хранящиеся в архиве ИРЛИ, написаны чернилами и крупным почерком). Так что мне придется обзавестись лупой; в читальном зале Рукописного отдела есть всего одна лупа на всех работающих в зале.

Для того, чтобы Вы имели некоторое представление о содержании, скажу очень кратко, о чем сделаны записи.

Прогулки, с описанием красот швейцарских деревень и Женевского озера, отдельно и вместе с Ф. М., их беседы, ссоры, обеды, описание приезда Гарибальди, которого А. Г. видела одна (Ф. М. был в другом месте встречи), причем она отмечает, что когда она увидела Гарибальди, ей «показалось, что это Федя, так как у него лоб похож на лоб Гарибальди...», хождение на почту, содержание письма, полученного от матери, где говорится о беседе матери с Пашей (Исаевым) и передача содержания его Феде, его резкая реакция на него; описание припадка и т. д.

Ну, вот пока и все.

Всего доброго

Уважающая Вас Ц. Пошеманская

6/1-58 <с. 10>

<5>

Добрый день, Вера Михайловна, простите, что задержала ответ, — я была больна и только на днях приступила к работе.

Я хотела бы разъяснить, почему присланный Вами договор не подходит мне ни в одном пункте, в основном, из-за нереального срока (1 апреля) предоставленного мне в договоре.

1. Вы не учли, Вера Михайловна, что я могла бы отдавать работе над Дневником *каждый* месяц (согласно разрешению Нач. Управления культуры) только 12 рабочих дней, а другие 12 дней месяца должна ведь выполнять свою основную работу, от которой я не освобождена.

Следовательно, 50 рабочих дней, которые я рассчитала, чтобы закончить расшифровку *вчера*, для меня составляют $50:12=4$ месяца с лишним.

Что значит расшифровка *вчера*? Расшифровка *вчера* это только половина работы. При расшифровке *вчера* я прочитываю все, что могу прочитать не задерживаясь особенно на неразобранных словах, а они встречаются

в большом количестве. Иногда смысл и без них ясен, а иногда без них фразы не получается. Но и в том, и в другом случае, я думаю, Вы согласитесь, что необходимо не щадить усилий на то, чтобы их разобрать, а для этого нужно время. Как я это делаю, я объясню ниже.

Больше того, самая тяжелая и трудоемкая работа, время на которую Вы совсем не учли в расчете времени на всю работу, — начинается именно по окончании расшифровки вчерне.

В чем она будет состоять? Закончив расшифровывать и переписывать в тетради весь материал (около 300 стр.) и оставляя пробелы из-за неразобранных слов, я должна проделать следующую работу:

1) сличить (сверить) стенографический материал с перепечатанным мною с целью уточнения текста и здесь я уже специально буду останавливаться на словах неразобранных, то ли потому, что они неясно или очень сокращенно написаны стенографически, неразборчиво переправлены и т. п.

2) Уточнив все и по возможности разобрав неразобранные места, снова все перепечатать и в таком виде уже передать Вам весь материал.

Теперь я хотела бы Вам объяснить каким способом я буду пытаться расшифровывать слова и фразы, первоначально не поддававшиеся расшифровке.

Надо сказать, что в этой записной книжке записи произведены на бумаге не линованной. Отсутствие линеек затрудняет правильное прочтение, потому что в зависимости от расположения слова выше или ниже линии строки (или на строке) слово читается иначе, меняется смысл.

Для того, чтобы не исказить смысла при расшифровке и иметь подтверждение правильности прочтения того или иного слова (если есть сомнение) придется заглядывать в алфавитный словарь стенографических сокращений, составленный мною на материале стенограмм Анны Григорьевны, содержащий сейчас около 1000 сокращений и пополняемый мною. <с. 11>

Мне приходится обращаться и к помощи опубликованного «Дневника А. Г. Достоевской», я сличаю с ним вторую дневниковую записную книжку, выявляя таким путем сокращения, мне неизвестные, но встречающиеся в расшифровываемом мною Дневнике. На эту работу я отвожу при работе в ИРЛИ каждый раз 1–2 часа.

Поверьте, Вера Михайловна, я не хочу представить работу сложнее, чем она есть на самом деле, но я хочу, чтобы Вы согласились со мной, что работа не может быть выполнена в 3 месяца, как это значит в договоре, а по существу в полтора месяца, так как половину времени я ведь должна отдавать своей служебной работе.

2. Я не являюсь ни «автором», ни даже литератором, поэтому не могу взять на себя редактирование Дневника, как это вменяется в обязанность автору по договору.

Я не могу представить материал в *совершенно готовом для печати виде*, как того требует договор. И дальше в договоре говорится о санкциях в отношении автора, в случае нарушения им срока договора, отказа от исправлений, и говорится об авторской корректуре. Объясню, почему все эти пункты мне не подходят.

Дневник, действительно, требует редактирования: та часть Дневника, которая расшифрована и переписана самой Анной Григорьевной, содержит отклонения от стенографической записи: есть стилистические исправления, дополнения и исключения отдельных фраз, а также смысловая переделка, так что есть расхождения между стенографическим Дневником и расшифровкой его Анной Григорьевной. Примеры расхождений я частично выписала еще в 1956 году, когда 7 дней работала в ГБЛ, они вошли в мой письменный доклад проф. М. П. Алексееву, но это материал ГБЛ, так что я могу их прислать, если пожелаете.

Моя задача — дать фотографию Дневника, т. е. максимально точная, дословная, расшифровка Дневника, как имеющего определенную историко-литературную ценность. Редактирование же, о котором говорится в договоре, надо понимать не в обычном смысле, а главным образом — по линии сокращения текста. Это самостоятельная, большая и ответственная работа, которая должна быть поручена специалисту.

Хотела бы сказать, Вера Михайловна, что в этом типовом для литературного работника договоре предусмотрено все, кроме основного для меня условия — возможности спокойно работать над Дневником, не думая о том, что я связана сроком договора, причем не имея даже возможности удлинить часы своей работы ежедневно, если бы мне это потребовалось, из опасения не уложиться в срок: во-первых, я связана необходимостью часть времени отдавать Бюро съездовых стенографов и там могут моим временем распорядиться по своему (направить на несколько дней на конференцию, в командировку и т. п.), во-вторых, я связана рабочим днем Института Литературы.

Здесь не может быть аналогии между работой любого автора над своим трудом и моей работой над Дневником, так как автор может не прерывать своей работы хотя бы круглые сутки, если это ему необходимо; я же в Институте в половине шестого вынуждена прерывать расшифровку на середине фразы. <с. 12>

Не знаю, как я буду себя чувствовать закончив этот труд, а пока не могу не сказать, что с мая 1956 г. я имею лишь огромную потерю рабочего

и личного времени, материальный ущерб, в связи с этим, и моральное удовлетворение.

В конце концов, я пришла к такому выводу.

Поскольку работа над Дневником не имеет никакой срочности, я буду его расшифровывать столько времени, сколько мне для этого понадобится, считая первоочередной работой мою служебную работу, и не связывая себя договором (по крайней мере до того времени, когда я увижу, что работа идет к концу).

Вера Михайловна, после первых трех дней января, я смогла работать в Институте еще 8 и 10 января, потом заболела и продолжила работу лишь 23 и 25 января. Следовательно, работа подвинулась мало. Но все же я сделала *вчера* (подчеркиваю это) всего, примерно, 50 страниц, (в пересчете на машинку).

Скажу кратко о содержании записей.

В связи с днем рождения, А. Г. вспоминает то время, когда она жила у матери, и как тогда отмечался день ее рождения. Воспоминания очень пространные и затрагивают даже 1862 год.

Затем собственные комментарии А. Г. по поводу причины отъезда Гарибальди из Швейцарии до окончания работы конгресса; описание заседания в конгрессе, куда они, купив билеты, отправились с Федей; ее комментарии по поводу выступления там ораторов.

Описание ссоры с Федей из-за записки, которую он вынул случайно из кармана, и которую она приняла за записку от «особы». Подробное описание того, как она схватила записку, а он не выпускал из руки, в результате записку разорвали на клочки и бросили каждый свои клочки на землю, а она вернулась, собрала их и прочитала адрес. Ее ревнивые подозрения, что это адрес той «особы», истерика дома, хождение несколько раз по этому адресу с целью разузнать что-нибудь и т. д.

Наблюдение за Федей из опасения, что он пойдет к воображаемой «особе»; описание препровождения времени в течение одного дня (магазины, обед, работа с Федей и пр.), много о дождливой погоде и воспоминания о жизни у мамы; ссора по пути, когда шли обедать под одним зонтом во время дождя и она поскользнулась; перечисление оскорблений со стороны Феди, в связи с этим; продолжение ссоры дома, грустное настроение, в связи с этим.

О присылке денег Майковым, обида на Федю за его постоянные упреки, что мама присылает «не франкованные» письма, за которые приходится доплачивать по 1 франку; о том, как Федя заснул с папиросой и прожог хозяйскую простыню.

Описание прогулки на дилижансе в окрестности (на таком, какие ходят по Невскому), возвращение, покупка шляпы для Феди и т. п.

Извините, Вера Михайловна, за длинное письмо, разрешите на этом, наконец, закончить и пожелать Вам всего доброго.

Ц. Пошеманская

28/I <с. 13>

<6>

Добрый день, Вера Михайловна,

Моя работа над Дневником, наконец-то, сдвинулась с мертвой точки, так как теперь я имею возможность более или менее регулярно заниматься в Рукописном отделе.

Я предполагаю Вам отправить в течение апреля 50 страниц уже выверенного текста в двух экземплярах. Но предварительно, перед тем как окончательно печатать, мне надо знать, должна ли я один экземпляр (кроме тех, что Вам вышлю), передать Рукописному отделу (по окончании всей работы), потому что когда я заполняла читательскую анкету и подписывала ее, обратила внимание на один пункт, — что читатель обязан один экземпляр своей продукции, произведенной, так сказать в Рукописном отделе, оставлять там. А в зависимости от этого я должна печатать и количество экземпляров. Прошу Вас разъяснить.

Прочитанные мною дальше страницы содержат следующее:

Описание прогулки А. Г. по городу, затем прогулки вместе с Федей. Грустные размышления по поводу невозможности купить новое платье. Много о жизни в период до выхода замуж. Описание припадка. Описание ссоры за кофе. Хождение в библиотеку. Описание того, как Федя «с самым серьезным видом мелет кофе». О хорошем настроении Федеи и его шутках. Посещение ею консула для засвидетельствования доверенности. Примерка платьев в дамском магазине и сожаление, что не в состоянии купить. Обида, что вынуждена носить старомодное платье, какие «носят одни кухарки». Посещение музея, впечатление от картин Рубенса, который рисует «каких-то лошадей, вместо женщин». Прогулка с <с. 14> Федей. Его мысли о смерти. Сборы Федеи для отъезда играть и проводы его на вокзал. Описание дня без Федеи. Работа для него по срочной переписке его статьи. Воспоминание о жизни у матери. Сетования по поводу денежных затруднений. Упоминание о том, что «сегодня он начал программу своего нового романа в той тетради, где было записано «Преступление и наказание» и т. п.

С приветом Ц. Пошеманская

8/IV <с. 15>

Дата поступления в редакцию: 10.06.2018

Irina S. Andrianova

*Ph.D. in Philology,
Head of Web-laboratory of the Faculty of Philology,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
yarysheva@yandex.ru*

**“I AM DEVOTED TO HER AGAINST HER WILL”:
ON THE DECIPHERMENT OF THE STENOGRAPHIC
DIARY OF ANNA DOSTOEVSKAYA
BY CECILIYA POSHEMANSKAYA**

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 17-34-01075-OGN a2.

Abstract: In 2018 the Decree of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation abolished the profession of a stenographer due to the absence of demand. Researchers of the creative work of Fyodor Dostoevsky cherish the memory of two female stenographers — the writer’s collaborator Anna Dostoevskaya and Ceciliya Poshemanskaya, a modest stenographer from Leningrad that managed to find the key to the shorthand system of the former. In the 1950s-1970s Poshemanskaya disclosed to the public the diary of Anna Dostoevskaya of 1867, the rough copies of “A Writer’s Diary” and “The Brothers Karamazov” and some more pages written shorthand by the writer’s assistant. The information on Poshemanskaya and her long-term, broad scale work in the memory of Dostoevsky is scarce. This article gives a brief description of the main stages of her creative career of the stenographer from Leningrad. Some additional details on life and work of Poshemanskaya are available in the documents kept in the fund of historian-registrar Sarra V. Zhitomirskaya (10239-fund). Principally, in the letters of Poshemanskaya to Vera M. Fyodorova and Sarra V. Zhitomirskaya, employees of the Manuscript Department of the V. I. Lenin State Library. The fragments of Poshemanskaya’s letters and her two letters to Vera M. Fyodorova published in the article’s supplement throw light upon the methods of the stenographer’s work and assign the objective to use her experience while decoding shorthand notes from the Dostoevsky archive as well as other historic stenographs.

Keywords: Dostoevsky, Anna Dostoevskaya, Ceciliya M. Poshemanskaya, Sarra V. Zhitomirskaya, Vera M. Fedorova, shorthand, diary, State Archive of the Russian Federation

REFERENCES

1. Andrianova I. S., Sosnovskaya O. A. Shorthand System of Anna Dostoevskaya: The Problem of Decryption. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 1, pp. 43–67. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (accessed on April 20, 2018) (In Russ.)
2. Valgina N. C. *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke [Active processes in the Modern Russian Language]*. Moscow, Logos, 2001. 302 p. (In Russ.)
3. Veksler A. F., Krasheninnikova T. Ya. *Takaya udivitel'naya Ligovka [Such an Amazing Ligovka]*. Moscow, St. Petersburg, Tsentrpoligraf Russkaya troyka-SPb Publ., 2012. 590 p. (In Russ.)
4. Grechuk N. V. *Peterburg. Sobytiya i litsa: istoriya goroda v fotografyakh Karla Bully i ego sovremennikov [Petersburg. Events and Faces: the History of the City in the Photographs of Karl Bulla and His Contemporaries]*. Moscow, St. Petersburg, Tsentrpoligraf Russkaya troyka-SPb Publ., 2015. 477 p. (In Russ.)

5. Dlusskiy S. M. Chto takoye stenografiya? Znachenie eye v istoricheskom, obshchestvennom i pedagogicheskom otноsheniyakh [*What is Shorthand? Its Significance in Historical, Social and Pedagogical Aspects*]. St. Petersburg, D. F. Fedorov Publ., 1874. 32 p. (In Russ.)
6. Zhytomyrskaya S. V. *Prosto zhizn'* [*Just life*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 599 p. (In Russ.)
7. Rogov A. A., Skabin A. V., I. A. Sterkel. On Decipherment of Historical Handwritten Documents. [*Informatsionnyye tekhnologii i pis'mennoye naslediyе*] *Information technologies and written heritage*. Petrozavodsk, 2012. P. 230–233. (In Russ.)
8. Yurkovskiy A. M. *Izuchay stenografiyu!* [*Learn shorthand!*] Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965. 94 p. (In Russ.)
9. Yurkovskiy A. M. *Stenografiya skvoz' veka: Ocherki po istorii stenografii* [*Shorthand Through Centuries: Essays on the History of Shorthand*]. Moscow, Kniga Publ., 1969. 163 p. (In Russ.)

Received: June 10, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Л. Башкиров, С. Л. Шараков

Достоевские из Достоево: «Беларусь и Ф. М. Достоевский»
как предмет исследования 3

К. А. Баршт

«Гнусно подражать народу не хочу». Об одной двусмысленной фразе
из подготовительных материалов к роману
Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» 13

Е. Д. Трухан

Кузнецкий почтмейстер, которого Достоевский
выбрал «формалистом» 29

П. Е. Фокин

Телеграммы разных лиц к А. Г. Достоевской
с соболезнованиями в связи со смертью Ф. М. Достоевского
(из рукописного фонда Государственного музея
истории российской литературы им. В. И. Даля) 45

И. С. Андрианова

«Я связана с ней против ее желания»:
О расшифровке Ц. М. Пошеманской
стенографического дневника А. Г. Достоевской 69

CONTENTS***D. L. Bashkirov, S. L. Sharakov***

The Dostoevskys from Dostoevo: “Belarus and F. M. Dostoevsky”
as the Object of Research 3

K. A. Barsht

“Abominably I don’t Want to Mimic People”. About one Ambiguous Phrase
from Preparatory Materials to the Novel
by F. M. Dostoevsky “Crime and Punishment” 13

E. D. Trukhan

Kuznetsky Postmaster Called “Formalist” by F. M. Dostoevsky 29

P. E. Fokin

The Telegrams of Different People to Anna Dostoevskaya
Expressing Condolences on the Death of Fyodor Dostoevsky
(from the Manuscript Collection
of Vladimir Dahl Russian State Literary Museum) 45

I. S. Andrianova

“I am Devoted to Her Against Her Will”:
On the Decipherment of the Stenographic Diary
of Anna Dostoevskaya by Ceciliya Poshemanskaya 69

...но что такое. - Как я представляю, не
...о какой-то...
...нужно было...
...самой...
...всего...
...на...
...было...
...40...
...18...
...университет...
...Тел. (8142) 71-96-03

Адрес редакции:
185910, г. Петрозаводск
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Тел. (8142) 71-96-03